Амир Хосров
Дехлеви
ИЗБРАННЫЕ
ГАЗЕЛИ

К 700-летнему юбилею Амира Хосрова Дехлеви

Академия наук СССР
Институт востоковедения

Амир Хосров Дехлеви

Избранные газели

Перевод
с персидского
Дм. Седых

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
«Москва» 1975

И (Перс)
А62

Подстрочный перевод и предисловие
Г. Ю. Алиева

Ответственный редактор
Б. Г. Гафурова

Художник
А. Т. Яковлева

А- 70404-155 / 013(02)-75 195-75

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1975.

ЛИРИКА АМИРА ХОСРОВА

Крупнейший представитель персоязычной литературы Индии — Амир Хосров Дехлеви (т. е. Делийский, из Дели) давно снискал себе популярность в странах Востока, где персидский язык имел распространение в качестве разговорного или литературного языка. Причем широкую популярность как у себя на родине, так и в Средней Азии, Афганистане, Иране, Закавказье и Малой Азии поэт завоевал еще при жизни. Его поэзии подражали персидско-таджикские, азербайджанские, узбекские и турецкие поэты вплоть до XX в. Амир Хосров получил признание и в европейских литературах — сюжеты и мотивы его произведений встречаются в творчестве знаменитых писателей, в частности у Ариосто, Гоцци, Вольтера.

Амир Хосров родился в г. Патиали в 1253 г. Незадолго до этого предки будущего поэта, оставив под угрозой монгольского нашествия Среднюю Азию, обосновались в Индии. Как свидетельствуют источники, Амир Хосров рано проявил свой талант на литературном поприще и благодаря связям своего деда Имад ал-Мулка, крупного сановника при дворе султана Ильтутмыша, сразу же был вовлечен в бурную придворную жизнь. Однако карьера придворного поэта не смогла заглушить в молодом Хосрове духа свободомыслия и поколебать требовательное отно-

шение к своему поэтическому таланту. Долгая жизнь поэта и мыслителя — чередование взлетов и падений. Он не нуждался в благосклонности венценосных читателей, наоборот, семь султанов, сменивших друг друга на делийском престоле, всячески стремились при помощи пера блистательного Хосрова прославиться в веках.

Зрелые в творческом отношении годы Амира Хосрова приходятся на последнюю четверть XIII и первую — XIV в., когда зародившаяся в XI в. индийская литература на языке фарси переживала период становления. Амир Хосров оставил грядущим поколениям огромное литературное и научное наследие. Достаточно сказать, что перу этого автора принадлежит десять довольно объемистых поэм, пять из которых составляют его прославленную «Пятерицу». «Пятерицей» Хосрова восхищались выдающиеся средневековые поэты и писатели, среди которых — знаменитые Джами и Навои.

Так же внушительна по объему, как и эпическое творчество, лирика Амира Хосрова. Разнообразны по жанру лирические произведения поэта в пяти сборниках стихов (диванах), озаглавленных: 1) «Дар юности», 2) «Середина жизни», 3) «Полнота совершенства», 4) «Избранный остаток» и 5) «Предел совершенства». Поэтические произведения расположены в диванах по хронологическому принципу. Это большие (свыше двухсот строк) касыды философского содержания, четверостишия, красочно-повествовательные таркиббанды и тарджибанды, кыт'а — фрагменты. Главное место в лирическом творчестве Амира Хосрова занимают газели. Их насчитывается до двух тысяч. Заметим, что Амир Хосров жил и творил в эпоху, когда жанр газели, оттеснив касыду, стал занимать ведущее место.

Амир Хосров был не только признанным мастером поэзии, но и выдающимся музыкантом. Многие газели, по-видимому им самим переложенные на музыку, сразу же становились популярными в Индии. Он писал на фарси и местном диалекте, именуе-

мом им хиндави. Джавахарлал Неру сказал о нем: «Я не знаю другого такого примера, чтобы песни, написанные шестьсот лет назад, сохранили до сих пор популярность и любовь народа и исполнялись без всякого изменения текста» [1].

Амир Хосров был истинно народным поэтом. В своих теоретических трудах он часто проводит идею о народной основе поэзии как залоге ее бессмертности. «Истинная поэзия,— пишет поэт в предисловии к первому сборнику стихов,— сравнима с источником живой воды, которой в состоянии обессмертить имя поэта. Множество блистательных властителей сгнило в горстке земли, и следов нынче не найти. А сколько носителей венца оставалось в памяти народа благодаря поэтическому таланту Фирдоуси или Низами. Худшие из стихов те, которые не обращены к народу и не останутся в народной памяти». Отсюда и высокие требования Амира Хосрова к поэтическому искусству. В поэме «Девять небесных сфер» Амир Хосров прямо заявляет:

Если твои стихи не запали в сердце народа,
То считай, что их нет, хоть они уже и легли
на бумагу.

В большинстве газелей Амир Хосров предстает перед нами как светский поэт, в центре внимания которого стоят чувства и переживания его современников, их радости и печали. Это ярче всего выражено в лирических газелях, всеобщая тема которых — любовь, страдания влюбленного и его надежды. Эта тема, следует отметить, переходит от одной газели к другой, проявляясь в сотнях газелей. Благодаря тонкому поэтическому мастерству Амира Хосрова, каждый раз умело подбирающего иные образы и тональность, повторение тематики не только не надоедает, но, напротив, позволяет выявить психологическую глуби-

[1] Джавахарлал Неру, Открытие Индии, М., 1955, стр. 257.

ну чувства. В каждом стихотворении поэту удается добиться поразительной гармонии между заложенной в газели идеей и ее образностью и мелодикой. Талантливый поэт широко использует возможности эвфонии, и в результате мы имеем дело с вариациями одной и той же темы, выполненными в разнообразном и неожиданном образно-тональном оформлении. Амир Хосров проявляет себя блистательным мастером вариационного искусства. В этом отношении напрашивается сравнение поэтического творчества Амира Хосрова с творчеством Бетховена, который ошеломляет и радует нас смелыми и богатыми метаморфозами в своих вариационных циклах. Аналогичную картину мы видим в лирических газелях Амира Хосрова. Цикличность тематики, кажущаяся узость ее обогащается за счет варьирования поэтических образов, средств художественной изобразительности, метра и мелодики газели. Нередко Амир Хосров для большей выразительности в любовные газели вводит параллельную тему, тему природы. Это отчетливо видно в следующей газели:

Туча льет на землю слезы, благодатный дождь.
Плачет сердце: ты сегодня от меня уйдешь.

Каждый плачет одиноко: туча, я и ты...
Облетят моей надежды робкие цветы.

В газельном творчестве Амира Хосрова определенное место занимает и суфийская тематика — аллегорическое изображение стремления суфия-мистика к слиянию с божеством. Однако и в этих газелях Амир Хосров верен своему гуманистическому идеалу: применяя суфийскую поэтическую образность, поэт преследует цель возвеличивания человека независимо от его религиозной принадлежности. В таких газелях, как правило, мистика уступает место глубокой и оптимистической вере в беспредельность творческих возможностей человека. Амир Хосров неиз-

менно подчеркивает право всех людей на счастье. Для этого, по мысли поэта, необходим созидательный труд и усердие.

Индусско-мусульманские противоречия, подогреваемые религиозным фанатизмом, рассматривались Амиром Хосровом как одно из социальных бедствий. В больших эпических поэмах вопросы индо-мусульманского единства ставятся со всей остротой (см. поэму «Деваль Рани и Хызр-хан»). Эти мысли повторяются и в его газелях, где индийский поэт во весь голос говорит, что в Индии «в мечеть и в храм идут люди, цель которых одна и та же».

При всей традиционности поэзия Амира Хосрова конкретна, она тесно связана с современностью поэта и обращена к его соотечественникам. Он с восхищением воспевает красоту индийских женщин, изображает духовное богатство индийского народа. Любовь к родине звучит во многих произведениях Амира Хосрова, который высоко ценит патриотизм.

Лирика Амира Хосрова тесно связана и с традициями классической персидской литературы. В газелях он развивал поэтические особенности, которые внесены были в этот жанр знаменитым поэтом-лириком Саади Ширази. Среди стихов Амира Хосрова много подражаний газелям Саади. Они вошли и в настоящий сборник. В то же время удельный вес газелей Амира Хосрова в персоязычной поэзии огромен. Достаточно заметить, что Амир Хосров тематически и структурно предвосхитил многие газели Хафиза, знаменитого лирика из Шираза.

Газели Амира Хосрова издаются в нашей стране отдельным сборником впервые. Настоящее издание позволяет познакомиться еще с одной страницей культурных связей, существовавших в прошлые столетия между нашей страной и Индией. Взаимное знакомство с литературой и искусством друг друга служит благородной цели — укреплению духа взаимопонимания и дружбы между нашими народами. Эта мысль убедительно выражена в речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, произне-

сенной им в ноябре 1973 г. на встрече с активом Индийско-советского культурного общества в Дели. «Никто не станет оспаривать: чем лучше люди знакомы с историей, традициями, культурой друг друга, тем лучше они могут понять сегодняшние цели, помыслы и заботы друг друга» [2].

При составлении настоящего сборника были использованы два издания лирических произведений Амира Хосрова — Каунпур, 1874; Тегеран, 1965, которые были предварительно сличены с рукописью «Куллийата» поэта, хранящейся в библиотеке Ленинградского государственного университета.

Г. Ю. Алиев

---

[2] Визит Леонида Ильича Брежнева в Индию 26—30 ноября 1973 года,— Речи и документы, М., 1973, стр. 60.

ГАЗЕЛИ

1

Я рассказать печаль моих ночей не в силах,
Любя, рыдать и петь, как соловей, не в силах.

Вглядись в мое лицо, и ты поймешь, как таю,
Но, вижу, ты понять тоски моей не в силах.

Взгляни на грудь мою в кровоточащих ранах,
Терпение хранить я больше в ней не в силах.

Все ж радуюсь тому, что ты проникла в душу,
Хоть я к твоей душе найти ключей не в силах.

Быть может, мне вернешь похищенное сердце,
Но слезно умолять: «О, пожалей!» — не в силах.

Его в твоих кудрях навеки я оставлю.
Вернуть Хосров того, что взял злодей, не в силах.

2

Опьяненные тобою не нуждаются в вине.
Не найдется врачеватель, что помочь сумел бы мне.

Не показывайся в небе, солнцеликая луна!
Коль сияет лик любимой, ты Хосрову не нужна.

Что мне сказки о Джамшиде* — древней славы черепки?
Разве хуже прах развалин, где у магов* погребки?

Что доказывать в моленьях одержимость небесам?
Без молений одержимость вседержитель знает сам.

Та ничто монета сердца, та фальшивей всех монет,
На которой отпечатка единенья с богом нет.

Сердце, кинь сию обитель, царство гнета, царство зла!
Не собрать, о сердце, дани с разоренного села.

Так Хосров и не увидел вожделенный взору лик.
Что Хосров? И самый зоркий в небо взором не проник.

3

Сказал: «В обитель сердца войди его усладой!»
Она: «Я клада жажду, развалин мне не надо».

Сказал: «Сжигает душу лицо твое, как пламя».
Она: «Не радо сердце свиданью с мотыльками *».

Сказал: «Ответь, могу ли надеяться на встречи?»
Она: «О нет, скиталец! Твои безумны речи».

Сказал: «Зачем ловила меня в силки печали?»
Она: «Глаза приманку зачем же замечали?»

Сказал: «Как быть с любовью? Как снять ее оковы?»
Она: «Меня увидишь, наденешь цепи снова».

Сказал: «Как жить Хосрову, коль ты его забудешь?»
Она: «Мой образ вспомнишь, и одинок не будешь».

4

Свой лунный лик яви молящему о встрече
И услади мой слух чарующею речью.

О скатный жемчуг слов, жемчужницей хранимый!
Жемчужницу открой, да будут перлы зримы.

Но створки где ее? Ты их рисунок зыбкий,
Коль все же есть они, яви своей улыбкой.

Яви свой аромат, и я из мертвых встану,
Узнаю по нему рисунок тонкий стана.

О локоны твои! Они чернее ночи.
Явись, и станет ночь светлее и короче.

Сказала: «Жду тебя у своего порога».
Не убивай мечту и укажи дорогу.

Мой идол, мой кумир, не будь со мной сурова!
Среди влюбленных нет влюбленнее Хосрова.

5

Я в этот мир пришел в тебя уже влюбленным,
Заранее судьбой на муки обреченным.

Ищу с тобою встреч, ищу как озаренья,
Но гордость не могу забыть ни на мгновенье.

О смилуйся и скинь густое покрывало,
Чтоб сердце пало ниц и бога потеряло!

Отбрось надменность прочь, лицо приоткрывая,
Чтоб гордость вознесла меня в обитель рая.

А если ты меня не удостоишь взглядом,
Покину этот мир, что стал при жизни адом.

Нет, сердца никому не дам пленить отныне,
Чтоб жить в его плену отшельником в пустыне.

И что же услыхал Хосров в ответ на стоны:
«Придет и твой черед, надейся, о влюбленный!»

6

Кто предопределял вращение светил,
Теперь ушел во мрак и сладким сном почил.

Твой в розе вижу лик. Да, грезишь ты на ложе,
Коль томной розы лик и твой — одно и то же.

Очнитесь, гордецы! Мы ненадолго здесь.
Отрубит смерть мечом и голову, и спесь.

Взгляните, это кровь окрасила тюльпаны.
Скорбя, кровавых слез я лить не перестану.

Да не взойдет луна в ночной беззвездной мгле!
Утратил я луну, предав ее земле.

И, коль дохнет Хосров кромешной тьмой печали,
Потонет мир во тьме кромешной, как вначале.

7

О ты, чьи кудри для благочестья — соблазн опасный,
Уста которой едва приметны и тем прекрасны,

Поверь, не стал бы любой неверный так сердце ранить.
А может, вера так разрешает сердца тиранить?

Коль мимоходом так убивают улыбкой губы,
В уста-рубины вонзить отмщеньем хотел бы зубы.

Я лбом касаюсь твоих коленей, склонив колени,
Как пред кумиром склоняет брахман *, творя моленье,

И если был бы кумир тобою, поверь, о пери,
Я впал бы тотчас, как этот брахман, и сам в неверье.

Но разве можно достичь Каабы * моей любимой?
Лежат меж нами пески пустыни непроходимой.

Как я рыдаю, ужель не слышат любимой уши?
Я схож с певцами, что ждут от стражи великодушья.

Коль власть таится в тебе, о пери, как в мандрагоре *,
В земле отыщешь глаза страдальца, сочащих горе.

И вечно будет в груди Хосрова дымиться рана,
Узор на перстне, запечатленный концом чекана.

8

Пусть недостойный глаз не сглазит, возлюбя,
Пусть только ветерок касается тебя

И аромат несет, подобный капле яда.
Нет жизни у того, в чьем сердце пламя ада.

Я жажду нежных слов — шипы в твоих устах.
Не сыпь на раны соль,— и без того зачах.

Твоя обитель — рай, а я в аду сгораю.
Надеяться в аду могу ль на яства рая?

С безумьем пополам страдания влачу.
Подобна красота для разума бичу.

Влюбленного в кумир не отвратишь словами,
Как во хмелю пропойц не протрезвить речами.

Наметит жертву страсть у двери кабака,
Смеясь над сединой, споит и старика.

Но если он, как я, в вине любви утонет,
Омой его вином пред тем, как похоронят.

Умолкни, о Хосров! Твои газели — стон.
Смертельней, чем кинжал, сердца изранит он.

9

Ты сияла мне луною. Нет со мной моей луны,
И от дыма стонов: «Боже!» — ночи душны и черны.

Будьте вы благословенны, ночи пьяные любви!
Отстонали, отрыдали, улетели соловьи.

Я твержу хвалу ресницам, полумесяцам-бровям,
Как твердят аят Корана в медресе: «Нун ва-л-калам!» *

Что отвечу, если спросишь, как я ночи провожу?
Одиноко до рассвета я у стен твоих брожу.

О приди, душа, что может быть душою тысяч тел,
Тех, что души потеряли от твоих разящих стрел!

Коль души лишит подруга, не кляни судьбу, Хосров!
Ведь обычай у красавиц с дней творения таков.

10

О блаженство! Я ликую, осчастливленный судьбой.
Ты явилась в край забытых, в край покинутых тобой.

Благосклонно улыбнулась и вошла. Не уходи!
Дай упиться Близнецами — пылкой нежностью груди!

Наконец-то, о всевышний, о владыка горних сил,
Стан, подобный кипарису *, я в объятья заключил.

Вот он — светопреставленье, разрушитель всех основ!
Я до светопреставленья любоваться им готов.

Не тревожься, коль ударит караульный в барабан *.
Кто же спит, когда любовью на груди у друга пьян?

О смеющаяся роза, о подобная луне,
Из каких пришла чертогов подарить блаженство мне?

С чем сравню тебя? С нежданно залетевшим лепестком,
Что упал ко мне на ложе, занесенный ветерком.

Ты со мной! Со мной! О чудо! Да хранит тебя Аллах!
Недостойный, я любуюсь влажным жемчугом в устах.

Но очнись, Хосров, умолкни! Хватит петь хвалу судьбе.
Нет возлюбленной с тобою. Все пригрезилось тебе.

11

Скитаться на путях любви, о сердце, не устань!
Бессильно тело без тебя. Бессильней, тело, стань!

О ты, что взорами сердца кровавишь вновь и вновь,
Пролей соперников моих еще обильней кровь!

О камень сердца твоего разбиться буду рад.
Да будет каменней оно и тверже во сто крат!

Винят влюбленные тебя в жестокости. Пускай!
Еще сильнее мучь меня, еще больней терзай!

Сгорает сердце от любви. Взгляни, на нем зола.
Коль ты довольна, пусть его сожжет любовь дотла!

Благочестивый, жаждешь мне молитвою помочь?
Молись: «Пускай безумцем он блуждает день и ночь!»

Слезами скорбными Хосров оплакал каждый стих.
Да будет счастлив он от слез соперников своих!

12

Кто зеркало вручил тюрчанке * столь пригожей?
Любуется собой, забыв меня, о боже!

Терзает грудь мою мучительнее рока.
Скажи, кто сотворил ее такой жестокой?

Влюбленному в кумир нельзя искать Каабы *.
Иного божества возжаждал он тогда бы.

Душа моя! Увы, я, пойманный кудрями,
Не в силах погасить в плененном сердце пламя.

Тюрчанка, не лови походкой плавной в сети!
Пройдешь — не усидят сидящие в мечети.

И столько метких стрел пускать в меня не надо.
Давно убита дичь одной стрелою взгляда.

О не трудись! Сражен Хосров своей любовью.
Ты можешь кисти рук омыть горячей кровью.

13

Тюрчанка *, пусть Аллах тобой не почитаем,
Перед тобой ничто вся Индия с Китаем *.

Хоть раз прими меня, чтоб я забыться мог,
Забыл, как обивал напрасно твой порог.

Сказала: «Не блуждай, о странник, сделай милость!»
Могу ли не блуждать, коль сердце заблудилось?

Я стражу по ночам у стен твоих несу
И поверяю боль в твоих воротах псу.

К чему ходить в мечеть сраженному любовью?
Я к Мекке * обращен, молюсь, а вижу брови.

Пою о соловьях, о розах я пою,
Чтоб только воспевать жестокую мою.

Бывало, шел в цветник, блаженствуя заране,
Теперь влечет меня твое благоуханье.

Сожги меня, сожги неправедным огнем
И пепел мой рассыпь на зеркале твоем!

Рад голову Хосров подставить под удары,
Коль для тебя в игре она подобна шару.

14

Рок разлучил меня с тобой на время,
И жизнь влачу как тягостное бремя.

Спроси того, кто знает боль разлуки,
Что значит боль и что такое муки!

И все же я тебе, изнемогая,
Шипов моей тоски не пожелаю.

Я смыл слезами на твоем подоле
Кровавый след моей безмерной боли

И поступил весьма неосторожно:
Он обо мне напомнил бы, возможно.

Молю, приди, но у мечети павой
Не выступай походкой величавой:

Воздеть горе не сможет дервиш очи
И разорвет колпак и коврик * в клочья.

Хосров умрет у ног своей любимой,
И пусть кричат: «Безумец! Одержимый!»

15

Ты правоверью враг. Твои уста и брови
Отступников родят и льют потоки крови.

Ищу с тобою встреч в мечетях, в кабачках.
Влюбленному равно — что Будда, что Аллах.

И тот, и этот мир поправ одной ногою,
На собственной душе они стоят другою.

Нелюбящей Ширин * тяжел Фархада * взгляд,
Но тяжести горы не чувствует Фархад.

Пред подвигом любви бледнеет подвиг ратный.
Игрок идет на риск, влюбленный — на стократный.

О брахман *, приюти забывшего ислам.
А может, пал я так, что чужд любым богам?

Кричат мне: «Повяжись зуннаром *, о блаженный!»
Так исхудал Хосров, что как зуннары вены.

16

Все, кто в этот мир приходят, не останутся, уйдут.
Да помянут тех достойно, кто достойно прожил тут!

Всех живущих на прицеле держит меткая стрела.
Нет числа пронзенным ею, и не будет им числа.

У всевышнего в колчане та стрела всего одна,
Настигает в одиночку, но настигнет всех она.

Жить до светопреставленья не надейся. Только тот
Так наивен, кто не знает, что у смерти свой расчет.

Все уйдем, не в этом дело. Как уйдем — куда важней:
Будут помнить ли могилу, позабудут ли о ней.

Не моли о милосердье кровожадную судьбу:
Дождь находит неизбежно водосточную трубу.

Много тысяч караванов шло по нашему пути,
Многим тысячам таких же предстоит еще пройти.

Всяк живущий, коль не знал бы, что во прах вернется плоть,
Возгордился бы безмерно. Мудро создал нас господь!

Так ликуй, встречая весны, не печалясь, не скорбя,
Будь доволен тем, что весен есть немало у тебя!

О Хосров, как рак-отшельник не живи, пока не стар,
Не торгуйся в лавке жизни, не скупясь бери товар!

17

Почему живешь бездумно, если разум дал Аллах?
В прах вернешься. Почему же не у неба ищешь благ?

Рок созвездья сочетает. Не они, а рок — тиран.
Что же шлешь проклятья плахе, если суд вершит султан?

Схожи гурии * с цветами. Почему ж один цветок
Ты зовешь — нарцисс, другой же называешь — ноготок?

Знай, ценнее постоянство сотен слитков и монет.
Пусть оно тебя украсит, чести в ветрености нет.

За удачей наступает невезения черед.
Не горюй, коль нет удачи, не ликуй, коль повезет.

Угодишь в силки корысти, помни, в том твоя вина.
Что пенять на птицелова птице, алчущей зерна?

Если льешь потоки крови беспощадною рукой,
Не вопи, коль попадешься кровопийце. Сам такой!

О богач, духовно нищий, не познавший суть свою,
Неприкаянному сердцу нет покоя и в раю.

Что печаль Хосрову в сладость, знает только он один.
Разве сладость мук Фархада * знала сладкая Ширин *?

18

О, налей сегодня чашу, виночерпий, дополна,
Ибо смерть — пустая чаша опьяненным без вина!

Можешь душу взять, но телу дай испить блаженство рая.
О, яви же благосклонность, чашу мне налив до края!

Не молись, благочестивый, о спасении моем!
Одержимость не покинет мой обжитый ею дом.

Ежеощно на безумье я настаиваю строки,
Вероломству луноликих бесконечно шлю упреки,

На листах моей тетради стонет каждая газель *,
И пустует до рассвета одинокая постель.

Что ж, свече не мнится пламя адской огненной геенной,
И сгорает, как в экстазе, мотылек * самозабвенно.

Коль тебя корит соперник, принимай укор за лесть,
Коль твое склоняют имя из-за пери, это — честь.

Нет, не подвиг пасть в сраженье, защищая правоверье.
Подвиг — сжечь себя любовью, умереть во славу пери!

Не проси, Хосров, пощады, коль любовь заносит меч,
Перед ней бессилен разум, головы не уберечь.

19

Не в силах я насытить тобою взоры
И, страстью одержимый, истаю скоро.

У стен твоих ночами брожу бессонно
В надежде, что услышишь скитальца стоны.

Поверь, что для тавафа * не пощажу и брови.
Уже в тавафе ноги я стер до крови.

Ты верности не веришь, но разве мало
Печаль моих газелей * тебе сказала?

Мое на перекрестках бесчестят имя,
Но все мечты остались, увы, пустыми.

И все же я о лике твоем мечтаю,
Хоть долгими ночами свечою таю.

О как ты животворно благоуханна!
Твой аромат почуяв, из мертвых встану.

Пусть нет моей печали конца и края,
Тебя на оба мира не променяю.

К чему, Хосров, газелей твоих стенанья?
Уже твое безумье вошло в сказанья.

20

Нищета намного сладостнее царства.
Праведности лучше гордое бунтарство.

У царей по горло всяческих забот,
Нищий подаяньем без тревог живет.

За тремя замками сердце властелина,
Нараспашку сердце у простолюдина.

Дружбой не умеет властный дорожить.
Чем с высокомерным, лучше с псом дружить.

Пусть любовь красавиц — не по силам ноша,
Все ж она приятней ханжества святоши.

Коль разбито сердце гурией * твое,
Для него лекарство только мумиё *.

Хоть влюбленным встреча райских благ дороже,
Верь, для них разлука — наслажденье тоже.

О Хосров, любовью к небесам живи!
Нет на этом свете сладостней любви.

21

Сто сердец пылают, как во мраке свечи,
В черных косах, павших струями на плечи.

И в огне сочится и чадит алоэ *
Распаленных страстью, взятых в плен тобою.

Ты мечом жестоко рассекаешь тело
И неотразимо мечешь взором стрелы.

Извела Хосрова так твоя немилость,
Что глазницы кровью сердца обагрились.

По оковы рабства надеваешь снова,
Хоть давно печали продала Хосрова.

22

В этом мире всех наездниц превзошла искусством ты,
В этом мире нет красавиц столь же дивной красоты!

Стан — стройнее кипариса. Если есть еще такой,
То достоин поцелуев и объятий только твой!

Нет душе моей покоя, сердце мечется, стеня,
А терпенья не осталось и крупицы у меня.

Многих в горе я утешил, от любви полуживых.
Средь утешенных, однако, нет утешившего их.

Ты сулишь блаженство встречи. Так не медли, поспеши!
Опоздаешь — у Хосрова не останется души.

Лучше вместо обещаний навсегда со мной порви.
Не испытывай, не мучай сердце пленника любви!

Верь, оно твое! Не веришь? Оттого меня не жаль?
Что ж, не веришь ты Хосрову, так спроси его печаль.

23

Раскрылись розы в цветнике. Приди, приди, мой гулистан *!
Томлюсь и жду, когда мелькнет меж кипарисов тонкий стан.

В траву отсветом слез моих тюльпаны бросили огни.
Приди, приди, о мой кумир, молю, в моем саду мелькни!

Когда тебя со мною нет, цветы теряют аромат.
Приди! Прекраснее цветка еще ничей не видел сад.

Твой каждый взгляд — источник мук, внушает каждый локон страсть.
Приди хотя бы для того, чтоб мог твоею жертвой пасть.

Твои слова — смертельный яд, и все же боль разлук страшней.
Твоя любовь ко мне — полынь, и все же сладость меда в ней.

Ты знаешь, сладостью речей давно прославился Хосров.
Приди, пускай не для любви, а для его сладчайших слов!

24

О черный мрак разлуки, подобный тьме ночей!
Во мраке вижу кудри — и мрак еще черней.

Как тьмой не быть объятым, когда свечу желанья
Зажечь не в силах сердце от призрака свиданья?

Не знает тот, кто не был хоть раз любовью пьян,
Вина, что опьяняет сильнее, чем дурман.

Во зле повинны люди, в корысти — зла причины.
Во всех моих печалях красавицы повинны.

Вопить из-за колючки — таков удел людей.
Из-за прекрасной розы рыдает соловей.

Любовь, как зной пустыни, томит влюбленных жаждой.
Отправиться в пустыню отважится не каждый.

Я не дерзну губами твоих коснуться пог,
Но дай мне в изголовье, как милость, твой порог!

Коль я умру, не думай, что я убит тобою.
О нет, не ты убийца! Любовь тому виною.

Ее хмельные стрелы давно попали в цель.
Проходит жизнь Хосрова, но не проходит хмель.

25

С тебя портрет не написать и мастерам Китая *,
Азера * идолы ничто, коль входишь ты, сияя.

Молю тебя, не убивай приверженца ислама.
Люблю, но я не еретик — не брахман * и не лама.

В ночи, как призрак, я бродил. Сосед, прошедший мимо,
Сказал: «Видение опять увидел одержимый».

Хочу не плакать — не могу. Не знаю, что случилось.
И сердце сжалось так в груди, как будто ты явилась.

О горе мне! Не залечить в душе кровавой раны.
Ты друг и недруг, смесь любви, коварства и обмана.

И все же будь рабом, Хосров, не разума, а страсти.
Ведь разум тоже подчинен ее всесильной власти.

26

Я луной тебя назвал бы — слух она не услаждает.
Я тебя назвал бы розой — перлы слов не рассыпает.

Ты не знаешь, нет, не знаешь, что не сплю я до рассвета.
Где уж знать, коль ты вкушаешь сладкий сон, забыв поэта.

И никто тебе не скажет, как тоска скитальца гложет.
Ветерок об этом знает, но сказать, увы, не может.

До земли спадают кудри и окутывают плечи,
Но уста они лишили словаря любовной речи.

О жестокая, волненье — для тебя чужое слово.
Ты могла бы научиться волноваться у Хосрова.

27

Знай, разум потерял и как вернуть — не знаю.
Бесцельно я брожу, и нет печали края.

Коль головы лишусь, не больше в том напасти,
Чем с головой уйти, как я, в безумье страсти.

Рыдаю, и от слез, что лью помимо воли,
На сердце у меня шемящий сгусток боли.

С тех пор, как по кудрям тоска в меня вселилась,
Тоскою побежден, я сдался им на милость.

Когда скрываешь лик, ращу слезами розы,
Гляжу на них и вновь сдержать не в силах слезы.

Не трогать мне кудрей рукой нетерпеливой,
Как трогает зефир *, соперник мой счастливый.

У сердца-мотылька * уже сгорели крылья,
Но к твоему огню дороги не открыли.

И оттого, что им неведома дорога,
Царят в моей душе смятенье и тревога.

Едва Хосров твое увидел совершенство,
Он черпать перестал в бутонах роз блаженство.

28

Напрасны проклятья и слезные стоны!
Что делать, судьба не всегда благосклонна.

Я с радостью жертвою стал бы твоею.
Что делать, заставить любить не умею.

Печальному сердцу лекарство — терпенье.
Что делать, коль в сердце терпенья — ни тени?

Сношу терпеливо лишь тяжкие муки.
Что делать, коль ранен кинжалом разлуки?

Тебя не заставит забыть и могила.
Что делать, коль ты обо мне позабыла?

Раба обласкают — он сдвинет и горы.
Что делать, стелюсь я, а слышу укоры.

Ты жизни Хосрову дороже, о пери!
Что делать, стучусь я в закрытые двери.

29

Я жертвой стал твоих кудрей. О как я изнемог!
Я — пленник, я — покорный раб, я — пыль твоих дорог.

В оковах локонов твоих, обвивших цепью стан,
Брожу безумцем в том краю, в котором ты — тиран.

В безумье не твои глаза, а сам я виноват:
Когда взмолился я: «Взгляни!» — ты опустила взгляд.

О нет, не думай, не кляну безумие любви,
Хоть слезы лью из-за него и вымок я в крови.

Мне только думы подарил чудесный образ твой.
Не стою большего. Я рад и милости такой.

И пусть любовь вонзила в грудь печали острие,
Не дорог сердцу тот покой, когда не знал ее.

Хотел бы встретиться с тобой, но в лучший из миров
Уже тоской переселен полуживой Хосров.

30

О ты, чьи кудри ловят без промаха в силки,
Дай пойманному сердцу лекарство от тоски!

В нем деревцо терпенья растил я, но оно
Нахлынувшею страстью, как бурей, сметено.

Я был благоразумным, явилась ты — и вот
Тебя, как подаянья, безумный нищий ждет.

Молю, о ветер, кудри любимой причеши,
Чтоб волны их в волненье не привели души!

Из уст ее услышать хотел бы хоть упрек.
Не протянула хлеба тому, кто изнемог.

Не знает сладострастный, как сладок вкус любви.
Душистый мед пригубить пропойцу не зови!

Прорвите сердце, стоны, любви молельный дом!
Ведь вам из-за пробоин не удержаться в нем.

Навек дала Хосрову любовь к тебе судьба.
Ничем до самой смерти не смыть тавро раба.

31

Влюбленного не станет увещевать мудрец,
По повеленью шаха не ждет его конец.

Его палач — разлука. Не знаешь — почему?
Спроси тоску Якуба * по сыну своему.

В любви благоразумный куда глупей глупца,
А потерявший разум — мудрее мудреца.

И пусть благочестивый меня честит при всех,
Считать не вздумай, сердце, безумие за грех.

О лик, что вызвал смуту и опрокинул мир,
Ты, только ты безумцу целебный эликсир!

Меня неудержимо влечет к твоим устам.
О, не гони! Бессмертье за поцелуй отдам!

Но ты предпочитаешь на ложе сна покой.
Лишь образ предо мною. Ну что ж, убей тоской!

На вечную разлуку Хосров приговорен.
Ослушаться владыки, увы, не может он.

32

Я жду тебя, жестоко играющую мной,
Томящую, как жажда в невыносимый зной.

Терзаюсь от разлуки, брожу, не чуя ног,
Не веря, что зарею затеплится восток.

Во мраке ночи только луна ко мне добра
Да горьким утешеньем красуется Зухра *.

О ветерок, что шепчет: «Она — мой аромат!»,
Скажи, ко мне придет ли хотя бы бросить взгляд?

А ей скажи, что таю, что не смыкаю глаз,
Держу кинжал и саван и только жду приказ.

О призрак, что сжигает и душит страстью,— прочь!
Уж я стонать не в силах, уж мне рыдать невмочь.

Бессонными ночами не призрак я зову.
Согбенная тоскою придешь ли наяву?

Похитившая сердце, лукавый душегуб,
Утратил я надежду отведать сладость губ.

Уж нет числа навеки простившимся со мной.
Когда ж Хосров догонит ушедших в мир иной?

33

Ты — статуя, ты — идол, чье сердце тверже скал.
Нет, сердце не такое создатель Еве дал.

Я с амброю сравнил бы твой тонкий запах кос,
Но благовонней амбры сердца в силках волос.

Твой лик — сиянье шелка, но похищать сердца
Не может шелк подобно сиянию лица.

Сказал: «Себя увидишь, коль взглянешь на луну».
В ответ сказала: «Лучше я в зеркало взгляну».

Я жажду сна в могиле. О, как покоен он!
Коль рядом нет подруги, подобен аду сон.

Винишь, Хосров, красавиц? Виновны не они.
В соблазне красотою глаза свои вини!

34

Покой души моей уходит, стенает сердце от любви.
Лишь тот понять меня сумеет, кто весь, как я, от мук
в крови.

Она из лунного сиянья пришла в созвездье Близнецов,
А это счастье предвещает, согласно мненью мудрецов.

Твердят: «Возлюбленной откройся, и, может быть, придет
опять».
Тому, кто в сердце, невозможно о муках сердца рассказать.

Она, змее подобно, жалит, хоть втайне жаждет быть со мной.
Факир змею не заклинает, пока не сделает ручной.

Уж я от горестных рыданий промок, хоть выкрути подол,
Уж тело стало тонкой нитью, которой жизни груз тяжел.

Кто видел сам, как ниспадали вдоль стана локоны Лейли *,
Постиг, какие до безумья Меджнуна * цепи довели.

И я, безумец, сердце отдал кудрям возлюбленной во власть,
Кудрям, что могут и аскета заставить перед ними пасть.

Моих мучений и страданий не пожелаю и врагу.
О боль разлуки! Я до встречи дожить, должно быть,
не смогу.

Ту, что красой подобна пери, увы, напрасно ищет взгляд.
Отныне стонам у Хосрова * учиться мог бы и Фархад *.

35

Опять в лугах сегодня та, что повергает наземь,
Опять взглянувший на нее теряет тотчас разум.

И вновь сраженные лежат, не в силах встать из праха,
Она же ищет новых жертв, и я дрожу от страха.

Хотя бы вспомнила порой, бездомного согрела,
Покуда не ушла душа из немощного тела.

О ветер! Коль не суждено лобзать любимой ноги,
Развей мой прах и, как песком, усыпь ее дороги.

Легко смотреть со стороны, а ведь в порезах руки...
Взгляни, Юсуф *, на Зелиху *, мои оценишь муки.

О страж недремлющий — луна! Ты землю озираешь,
Но как моя проходит ночь, не ведаешь, не знаешь.

Я обезумел, но не жду к моей судьбе участья.
Хосрову, видно, не дано в любви изведать счастье.

36

Благословляю день, когда явился образ твой!
Не будь его, считал бы жизнь холодной и пустой.

Стрела любви пронзила грудь. Стенаю, боль страшна.
Нет, не любившим не понять, как мучает она.

Но сам ответить не могу, как сердце потерял:
Не знает, что произошло, сраженный наповал.

О пери, твой разящий меч моей душе грозит.
Я принимаю на себя удары, точно щит.

О дар и неба, и земли, вершина красоты,
Что оба мира пред тобой? Для глаз милее ты.

Томясь в ночи, не знаю я, приходит ли рассвет,
Хотя зарею край небес окрашен в алый цвет.

Хосров рыдает, но с его слезами не шути!
Порою реки горьких слез смывают все с пути.

37

Насквозь пронизан этот мир тоскою и печалью,
Как будто радости вовек его не посещали.

И сердцу места не найти, скорбим и плачем вместе.
О счастье дней, когда оно покоилось на месте!

Ты веселишься — над тобой печаль витает тенью.
Не помню, чтоб она ушла хотя бы на мгновенье.

Счастливым небо — злейший враг, терзающий со страстью.
За что ж преследует меня? Ведь я не видел счастья.

Решил я: в беспечальный край печаль из сердца вылью,
Но оказалось, что печаль повсюду в изобилье.

А впрочем, если б человек и жил, как небожитель,
Не ликовал бы. Ведь Адам — живущих прародитель.

Довольны жизнью лишь глупцы. Они богатству рады.
Разумный в этом мире нищ, хоть под ногами клады.

Хосров, коль в силах, возвеличь духовные твердыни!
Все остальное на земле подобно зыбкой глине.

38

О небо, дай на старость лет влюбленному отраду!
Я — ринд *! За пиршественный стол с подругой юной сяду.

И, коль захочет стрелы глаз в меня она направить,
Под стрелы буду рад и грудь, и душу я подставить.

Ей будут золото дарить, а я вручу несмело
В подарок ей мою печаль и немощное тело.

Прочь, назидатель! Не кори в измене правоверью.
Я — ринд! Хочу сегодня пить вино во славу пери.

А если сжалится судьба над участью моею,
Пригублю чашу юных уст и вновь помолодею.

Скачи ж, наездница, ко мне, молю во имя бога,
И под копытами Хосров расстелется дорогой.

39

Сердце к ней ушло, оставив то, чего оно желало,
И молва на перекрестках, как змея, вонзает жало.

Я и сам делюсь печалью и скорблю, не пряча слезы,
Ведь моим устам остались лишь несбывшиеся грезы.

Как мячом, играла честью, но победу, безусловно,
Над соперниками все же одержал я, пусть духовно!

Вся цена душе, о роза, твоему равнялась взгляду,
И, коль сердца не осталось, оболочки ей не надо.

На твоем пути, наверно, вовсе душу потеряет
Тот потерянный, чье сердце у тебя в руках сгорает.

Что отвыкнет от страданий и без сердца он едва ли.
Тот, чье сердце так привыкло к безысходности печали,

О Хосров, не лучше ль сразу, не испытывая жалость,
Кончить все земные счеты, если сердца не осталось?

40

О, вернись ко мне скорее, разлучившая с душою,
А не то в огне разлуки вспыхну пламенем алоэ *!

Брось в жаровню, точно руту *, чтоб горел перед тобой.
От сияющего лика отведу я глаз дурной.

Но страшись! Тебя замучу насмерть вздохами своими.
Тем, кто в душу бросил пламя, помнить следует о дыме.

Что душа моя — пылинка, солнце — твой чудесный лик,
Понял я, когда лучами в щели сердца он проник.

Пред моей любовью меркнут донесенные с любовью
И легенда о Меджнуне *, и преданье о Хосрове *.

О себе и быль и небыль слышу я со всех сторон,
Я ж и впрямь, подобно ринду *, до безумия влюблен.

О седой Хосров! С любовью кто могуществом сравнится,
Коль заставила седины перед юностью склониться?!

41

Сердце, верящее в то, что красавиц покорит,
Я сравнил бы со стеклом, что взялось разбить гранит.

Но и праведник-аскет, торопящийся в мечеть,
Просто, как зеленый плод, не успел еще созреть.

Ты спросила: «Это кто?» Слух ласкал небрежный тон.
«Дервиш,— кто-то дал ответ.— Просит милостыни он».

О притворство! Но зачем за неверность клясть подруг,
Коль подругам красота изменяет тоже вдруг?

Знаешь ты — зачем заря? Чтоб тавро разлуки мог
У влюбленных выжигать полыхающий восток.

В этом мире все не так. Тошно жить Хосрову в нем.
Оттого играет он с красотою, как с огнем.

42

Как только хмурый рамазан* глаза веселья ослепил,
Одежды роза порвала, лишился винный кубок сил.

О боже, лилия грустит, накинув голубой убор,
С тавром на сердце и тюльпан в густой траве потупил взор.

Глаза нарцисса* на лугу слезами росными полны.
О зрячий, бойся наступить и растоптать глаза весны!

Но хватит вязью томных строк цветов томленье воспевать.
Уже любовь свои шипы вонзила в грудь мою опять.

Со мною кравчий на лугу, моя любовь, моя луна.
Я вспыхнуть хворостом готов и, коль сгорю, ее вина.

О, если станешь ты, луна, моей счастливою звездой,
К твоим торокам припадет бунтарь, поверженный тобой!

И, если ночь шепнет, Хосров, благую весть твоим ушам,
Ликуя, праздник вознесет знамена счастья к небесам.

43

Не грусти, о сердце! Счастье улыбнется снова нам.
Верь, отыщется для боли исцеляющий бальзам.

Повезет — мгновенно цели достигает человек,
Даже если расстоянье между ним и целью — век.

Этот мир для человека — двусторонняя медаль:
Из живущих только люди знают радость и печаль.

Тот Адама истый правнук, кто испробовал и сам
Те же горести и муки, что испробовал Адам.

Не печалься! Все проходит, и твоя печаль пройдет.
Минет время, и сотрется след сегодняшних забот.

О друзья! Я — прах. Но если пьете радости вино,
На него пролейте каплю. Жаждет влаги он давно.

Не грусти, Хосров, о прошлом, о былых счастливых днях.
Улыбнется снова счастье. Веруй! Милостив Аллах.

44

Аромат весенней розы вновь доносит ветерок.
Что мне розы благовонье, коль не ты его исток?

Почему на части сердце не распалось, как бутон,
Коль твоим благоуханьем ветерок не напоен?

О соперник, коль с тобою та, чей лик светлей луны,
Для тебя весна настала, для меня же нет весны.

Я живой водою бредил, но соленой влагой глаз
До бесчувствия упиться мне пришлось, увы, не раз.

От стенаний много ль проку? Только выбьешься из сил,
Коль счастливою звездою рок тебя не осенил.

Жду в развалинах печали, где веселья сгинул след,
Птицу счастья, но поныне этой птицы счастья нет.

Наповал меня сразила, в грудь мою всадила нож,
Преднамеренно, однако, за добычей не идешь.

Ты пируешь. В ночь веселья до меня ли на пиру?
Ночь печали — ночь Хосрова та же ночь и поутру.

45

Могут гурии * порою благосклонность оказать,
Но вручить не вздумай сердце той, что может лишь терзать.

Могут клясться, будто даже вспоминают нас порой.
Утешайся, но при этом настороженность утрой.

Ты сердца, о пери, ловишь, точно дичь, в тенета глаз.
Не забудь, что и тюрчанки * отпускают дичь подчас.

Пусть измученный тобою издает порою стон,
Уберечь тебя от сглаза тотчас небо молит он.

Не вели тебя не видеть. По велению творца
Ведь и так, увы, порою разлучаются сердца.

Черствый сердцем и душою гонит нищих от ворот,
Все же дервишу порою подаянье подает.

Подари Хосрова взглядом, он и взгляду будет рад.
Ведь богатые на нищих иногда бросают взгляд.

46

Вчера — о, наконец! — луна пришла нежданно.
Хвала творцу, пришла бальзам пролить на раны.

Я почи поверял печаль и боль разлуки,
Когда открыли дверь врачующие руки.

Да не прозреет тот, чья слепота виною
Тому, что просветлен безумца взор луною!

О свет очей моих, пришел, хоть был далеко,
Преодолела путь моя зеница ока.

Я голос услыхал, звучавший точно песня:
«О жаждущий, к тебе пришел родник. Воскресни!»

И плач услышал я. Так плачет лишь влюбленный.
Из мертвых я восстал, слезами орошенный.

Тобой унесено больное сердце было.
Я, получив его, обрел былые силы.

Подобный солнцу лик я прикрывал кудрями,
Чтоб не настал рассвет, чтоб длилась ночь веками.

Не диво то, что в рай войдет благочестивый.
Что рай сошел с небес к Хосрову — это диво.

47

Нет, не влюблен, кто ценит выше любовных мук покой.
Не в луноликую, а только в себя влюблен такой.

О друг, бери пример с индийцев, что всходят на костер,
Когда подруги или друга навеки гаснет взор.

К осуществлению желаний тернистый путь ведет.
Паломник, жаждущий Каабы *, пустынею бредет.

Любя вино, люби и чашу, на дне которой яд.
Живую воду выпьет каждый, не каждый яду рад.

Коль ты не истинно влюбленный, желанью волю дай:
Земные гурии * стремятся отнюдь не в божий рай.

Я отдал жизнь за взгляд. Дается всего лишь раз она.
О друг, за взгляд расстаться с жизнью — высокая цена.

Вчера прошла по рынку павой. За ней толпой народ.
О том, что в городе владыка, весь город узнает.

Ушла. В душе остался образ. Прекрасней не найти.
Не для того ли он остался, чтоб душу унести?

Меня не спрашивай: «Неужто собою хороша?»
Спроси того, чья устояла перед тобой душа.

Ты соловей, Хосров, так будь же и клетке тоже рад.
Забудь о цветниках и рощах, коль небеса велят.

48

Ценитель красоты не в силах минуть твою обитель.
К твоим ногам, покинув небо, падет и небожитель.

И от твоих ворот едва ли сумеет стража силой
Прогнать безумного, в чьем сердце любовь заговорила.

О кипарис *, тобою брежу и жду свершенья чуда.
Меня твой солнцеликий образ преследует повсюду.

Коль есть твои глаза и губы, коль пет стройнее стана,
Достоин ли воспоминаний Юсуф из Ханаана *?

Не стал бы Хызр * в пустыне мрака искать живую воду,
Когда бы знал про эти губы, две алых капли меда.

И, увидав тебя, садовник поймет, что видел грезу,
И с той поры глядеть не станет на лик прекрасной розы.

Когда же я тебя встречаю, Эдема * мне не надо.
В луга уйдет ли обладатель пусть крохотного сада?

Устал Хосров, прикован к Дели, и не залечит раны,
Коль сладость этих строк не сможет достигнуть Хорасана.

49

Вновь луга зазеленели, разлились ручьи,
Облака роняют слезы, как глаза мои.

Стоит свежестью росистой надышаться всласть,
Как опять в погасшем сердце вспыхивает страсть.

Стан, подобный кипарису, где ты? Я не рад,
Что другие кипарисы * в мой приходят сад.

Коль с тобой, душою мира, встречусь на пути,
Буду рад и мир, и душу в дар преподнести.

Я б ушел из этой жизни, проклиная рок,
Но опять твоим дыханьем веет ветерок.

Ты проходишь — воскресаю, всей душой дыша.
О, скажите невоскресшим: к ним идет душа!

Сброшу груз моей печали, точно груз тюка,
Если тяжесть состраданья для тебя тяжка.

О Хосров, в седло надежды прыгнув на скаку,
Упадешь! Не покорится лошадь седоку.

50

Кудри — цепи одержимых. Тот счастливый, говорят,
У кого они на шее тяжкой сладостью звенят.

Без тебя я гибну, пери! Удивляется народ.
Я ж дивлюсь тому, что сердце без тебя еще живет.

Даже праведник нарушит перед богом свой обет,
Коль ему виноторговец даст за четки горсть монет.

Я — твой раб! И плеть, и ласка для меня в одной цене.
Верность ценит уваженье с униженьем наравне.

Все живые жаждут видеть твой благословенный лик.
Верь, возжаждал бы и мертвый, коль воскрес бы хоть
на миг.

Ты смела луне подобных ураганом красоты,
И к твоим ногам склонились роз цветущие кусты.

О Хосров, пади на землю перед этой красотой,
Пусть на всех ее дорогах прахом ляжет прах и твой!

51

Когда источаешь улыбкою мед,
Никто у торговцев сластей не берет.

Когда возникаешь на миг предо мной,
В глазах — кипарис *, озаренный луной.

Сверкнешь красотой — расступается ночь.
С тобой состязаться и солнцу невмочь.

Бледнеет, но спать не уходит луна.
Должно быть, от ревности ей не до сна.

О прелести локонов я промолчу,
Безумцев запутать в кудрях не хочу.

Нет, я не один восхищаюсь тобой.
Увидев тебя, восхитится любой.

Я — раб твой, и все ж всемогущ и велик.
Владыка и раб у владыки владык.

Ты перлы стихами, Хосров, произнес
И в мир превратил первозданный хаос.

52

Тот путник, чей светится истиной взор,
Для сердца не здесь разбивает шатер.

Он твердо шагает надежным путем,
Два мира минуя единым прыжком.

Усердие алчности смерти равно,
В агонии мечется вечно оно,

В конвульсиях славит божественный лик,
Косясь на мошну всемогущих владык.

Но ложь и прикрытая рубищем — ложь,
Она сквозь отрепья виднеется все ж.

Предавшихся алчности я бы лечил
На мраке настоянной сенью могил.

Пред алчностью разум — не воин с мечом.
Дракон побеждает в бою с муравьем.

Тот счастлив, Хосров, кто находит покой,
Соблазны сжигая веселья свечой.

53

Не думай, что влюбленные — Адамовы сыны.
О друг мой, это ангелы, бесплотные, как сны.

Не духи ли воистину Меджнун *, Вамик * и Вис *,
Из горних тайн обители спустившиеся вниз?

О пери, будь источником и впрямь воды живой
Для жаждущих, которые уходят в мир иной!

От твоего видения в бессонной тьме ночей
Бегу, как мышь летучая от солнечных лучей.

Хосров на грани гибели из-за твоей красы.
Наставник — прочь! Что мертвому дыхание Исы *?

54

Уже исчерпаны до дна надежды и терпенье,
Но ты по-прежнему мечта, по-прежнему виденье.

На миг явилась и ушла, и следом за тобою
Пустились тысячи сердец безумною толпою.

Твои ворота их манят, готовых на закланье,
И служит им проводником твое благоуханье.

Я слезы лью и сам к себе испытываю жалость,
Ведь влаги той, что ищешь ты, в глазницах не осталось.

Нет, не соперникам тебя учить искусству мучить.
Зачем наставники тому, кто сам других научит?

И все ж прислушиваюсь я к молве стоустой снова,
Чтоб ненароком о тебе услышать хоть бы слово.

Остановись! Пускай стрелой Хосрова ты убила,
Других безумцев не своди безвременно в могилу.

55

Твои глаза меня разят и затмевают свет.
«О, пощадите!» — их молю, но им и дела нет.

Стремится птица сердца свить гнездо в твоих кудрях.
Так попугаям дал любовь лишь к Индии Аллах *.

Что проку? Смоль твоих кудрей над лунностью лица
Затем в сердца вселяет страсть, чтоб разбивать сердца.

По лесенке твоих волос легко достичь луны,
Но без привала не дойти — так локоны длинны.

Свеча посмеет озарить твой лучезарный лик,
Снесу мечом язык свечи — хвастливой лжи язык.

Ко мне приходишь ты на миг, уходишь тотчас прочь,
И потому печален день и тяжко стонет ночь.

И коль Хосрову не дано лобзать твои уста,
Пусть сердце прочь по волнам слез уносит красота!

56

Увы, проходит жизнь моя как суета сует.
Во мраке света я искал, но не забрезжил свет.

И я за дьяволом пошел, забыв предсмертный страх.
Святые ангелы по мне рыдают в небесах.

Обитель сердца моего из-за потока слез
Готова рухнуть, как рекой подточенный утес.

Что назидания тому, кто одержим тоской,
Тому, кто разума лишен отнявшею покой?

Когда я пьян, даю обет не брать ни капли в рот,
Предстанет кравчий предо мной — и прахом все идет.

Я преклоняюсь перед тем, кто ангела святей,
Кто благородным сердцем чист, лишен дурных страстей.

О друг, смотри, не пожалей у гробовой доски,
Что дни в улыбках растерял, как роза лепестки.

Душа моя, возьмись за ум, накинь узду на страсть.
Быть надо птице начеку, чтоб в сети не попасть.

О свет очей, когда ногой касаешься земли,
Смотри, не наступи на лик во прахе и в пыли.

Увы, Хосров, твои слова ее не убедят.
Язык твой — не удар кирки, каким владел Фархад *.

57

О, верь, тебя не заменю красавицей другою,
Клянусь лежащей пред тобой во прахе головою!

Мою могилу посетишь в ином тысячелетье
И розу верности найдешь по-прежнему в расцвете.

Тоскою мой развеян прах. Я у нее в неволе,
Но ветру прах моей тоски развеять не позволю.

Поистине глаза того подернуты туманом,
Кто кипарис превознесет, с твоим равняя станом.

Как не страшиться за тебя, коль одержимым взглядом
Тебя пронзают сотни глаз, когда проходишь рядом?

И я нисколько не дивлюсь, что странниками стали
Сердца, сраженные тобой, гонимые печалью.

Отринь Хосрова, если он найти не сможет силы
К тебе явиться, убоясь, что это — шаг в могилу.

58

Ты для меня была предвечности зарею.
Явившись в этот мир, пошел я за тобою.

Когда же ты ушла, от слез, подобных граду,
Потоки разлились соперникам преградой.

Узнайте, о друзья! Не воспылает роза
Лишь оттого, что льют глаза влюбленных слезы.

Жестокая, никто, израненный любовью,
На жертвенник любви не пролил столько крови!

Я долго умолял явить к страдальцу жалость,
Когда же ты пришла, как быстро ночь промчалась!

И все ж благодарю за дивное мгновенье,
Хоть ты была скупой, наверно, от смущенья.

О вы, что на пирах минувшей ночью пили,
Я не вина вкусил, а влаги Сальсабиля *!

Как финики вкусны, спросите у рассвета.
Увы, остались мне шипы от пальмы этой.

Поныне пью вино, о роза, ночи нашей.
Что может быть, Хосров, мудрее винной чаши?

59

Туча льет на землю слезы, благодатный дождь.
Плачет сердце: ты сегодня от меня уйдешь.

Каждый плачет одиноко: туча, я и ты...
Облетят моей надежды робкие цветы.

Воздух свеж и ароматом сада напоен.
Соловей сегодня с розой будет разлучен.

О связавшая кудрями! Что же в этот час
Ты развязываешь путы, разлучая нас?

Ты меня лишаешь света, свет моих очей.
По моим щекам струится, не звеня, ручей.

Коль уйдешь, хочу ослепнуть, погрузиться в ночь.
Без тебя подобен глазу, вырванному прочь.

Я — глаза в кровавых язвах пред тобой в пыли.
Подними же их скорее, язвы удали!

Пусть в земле истлеет тело — душу сохрани.
О, поверь, уйдешь — окончу в скорбных стонах дни.

Без Хосрова, знай, увянешь, сгинет красота.
Разве долог век у розы, сорванной с куста?

60

Столько слез не лил ни разу. Сам же виноват.
На тебя взглянул — и горем обернулся взгляд.

Я перу поверил душу — жгучую тоску.
Мне стонать бы, но любовью жжет перо строку.

О, убей, но после снова, слышишь, оживи!
Много мертвых оживало от глотка любви.

Я пустился за тобою в мир небесных грез,
Хоть ласкать мечтало сердце смоль твоих волос.

И любовь со мною вместе тоже в мире том.
В мире этом — только тело, а душа — в ином.

Ты ушла. Звенят на сердце кандалы тоски.
О, приди, чтоб снова ночи стали коротки!

Но — «Терпи!» — твердишь Хосрову. Что ж, как прежде был,
Так и буду терпеливым, если хватит сил...

61

Этот мир снедает алчность, жажда стать богаче.
Разум алчущих незрелый, и глаза незрячи.

Стонут, сетуя на бедность, и цари на тронах.
Не смеются ль над собою в жалобах и стонах?

Счастлив тот, чьи были чисты думы и стремленья,
Кто на этот мир не бросил ни малейшей тени.

Что привязываться к дому, коль души не в силах
Удержать под ветхой кровлей на гнилых стропилах?

Удивляют садоводы в этом мире вздорном:
Все посаженное богом вырывают с корнем.

Так общайся с мудрецами! Мудрый разум вечен,
Но, увы, и у мудрейших век не бесконечен.

Коротка дорога жизни. Расстегни тороки,
Потчуй спутников, покуда не минули сроки.

Над людьми не издевайся. Разумом убогий
Тоже в этот мир явился по веленью бога.

Прилагай свои усилья лишь к благим деяньям.
Все иные обернутся горьким воздаяньем.

О Хосров, высоким думам что юдоль земная?!
С высоты слететь на падаль не влечет Хумая *.

62

Опять в лугах заколыхались травы
И гиацинты ветрено-кудрявы,

Но той, с которой прошлою весною
Я пил вино, сегодня нет со мною.

Я слезы лью, но та, что так жестока,
Не слышит зова слезного потока.

Вернулась роза в сад и грезит, млея,
Но где же та, что любовалась ею?

Я чую смерть, глаза уже в тумане.
Жестокой нет и в этот час прощанья.

Красавиц много видел я, однако
Она одна для сердца — путь из мрака.

Уж ливни слез я пролил на одежды,
Но нет плодов на дереве надежды.

В терпенье сердце видело опору,
Терпенья нет — и сердце рухнет скоро.

Увы, Хосров, ты пьешь вино печали.
Найдешь ли в нем забвение? Едва ли.

63

Христианина повстречал. Запала в память встреча.
Сей мудрый старец удивил меня такою речью:

«Для вожделеющих найти забвенье в наше время
Всего отрадней утопить в вине земное бремя.

Чего уж лучше — в погребке блаженствовать в нирване,
Тянуть вино и, захмелев, предаться созерцанью?!

Коль сердце на путях любви не одержимо страстью,
Клянусь всевышним, что оно не у любви во власти.

О смертный, будь рабом любви! Она — сады Эдема *.
Склонись пред нею до земли восторженно и немо!»

Пригубь, красавица, вино и свой початый кубок
Подай влюбленному, чтоб он твои отведал губы.

Приятно пить веселый хмель! Приятнее стократно,
Коль чаша подана рукой, что, как вино, приятна.

Что жизнь? Минула в суете. Судьба меня швыряла
По разуменью своему куда и как попало.

Увы, Хосрова гнет любовь, как ветер гнет былинку,
Скитальцем сделала его, летучею пылинкой.

64

Тюрчанка * знает, как пытать,
Являя лунный лик опять.

Испепеляет сердце мне.
Ну что ж, я — раб. Сгорю в огне.

Подвыпьет, камнем из ворот
В меня, как в дервиша, швырнет.

Что розе горе соловья?
Кичится, аромат струя.

Кто плачет от любви, как я,
Бросает честь в поток ручья.

Душа уходит в мир иной —
Твои глаза тому виной.

Хосров, тебя увидев, смолк,
Хоть в красноречье знает толк.

65

Кумир влюбленных, не кичись! Хоть ныне солнцелика,
Настанет час, когда на мир не бросишь даже блика.

Коль всех влюбленных унесет водоворот печали,
Улыбка на твоем лице останется едва ли.

Был Джам * — и нет, и стерт узор на камне перстня шаха.
Да что узор? И перстня нет, исчез под слоем праха.

В мольбах взываем к небесам, влача земное бремя,
Но не оставит и небес безжалостное время.

Мы ищем в близких и друзьях бальзама утешенья,
Но покидают нас они, чтоб стать бесплотной тенью.

Поэты — чудотворцы слов, но чудотворцы эти
Исчезнут так же, как и все волшебники на свете.

Увы, оставил этот мир Хосрову только горе.
Страшусь того, что и оно меня покинет вскоре.

66

О друга уносящий день! Страшней не знаю дня.
Увы, уже не счесть друзей, покинувших меня.

Ответь, о ветер, коль весна задаст о них вопрос:
«Роняют рано лепестки кусты осенних роз».

В земле, о роза, твой исток и колыбель твоя.
Скажи, что чувствуют друзья в ночи небытия?

Кто был почетом окружен, когда-то именит,
Теперь под грудою камней в забвении лежит.

Сиявший солнцем пылью стал. Того, кто сеял страх,
И самый робкий из живых ногами топчет прах.

Все блага мира — призрак, ложь, игрушки для детей,
Но сколько ими за века соблазнено людей!

Хосров, покинь юдоль сию, где ты душою сир,
Ее неправедных людей, таких, как этот мир.

67

Веселье пира отшумело, но голова еще хмельна.
И в сердце хмель, но сердце пьяно не терпкой сладостью
вина.

Нет, не вино его пьянило, а разливавшая вино.
Я захмелел минувшей ночью, а мнится — будто бы давно.

И лишь сопернику открылся, когда забрезжил проблеск дня:
«Смотри, красавица уходит, оставшись в сердце у меня».

Друзья, непьющим расскажите, как этой пери страшен гнет:
Кому окажет благосклонность, тот с пира трезвым не уйдет.

Она похожа на весенний, цветы полураскрывший сад,
На хмеле нежности и страсти ее настоян аромат.

Увы, умолк в ушах Хосрова из-за нее и чанг *, и най *.
Не будят утро песней птицы. О сердце, горестно стенай!

68

О всевышний, лик ли это или розы лепесток?
О всевышний, стан ли это или нежный стебелек?

Я блаженствую, мечтая прикоснуться к чаше уст.
У вина не столь бодрящий и не столь пьянящий вкус.

Если прячешься от солнца в цветнике, в тени ветвей,
О цветах не вспоминает восхищенный соловей.

Ты очей моих услада, но в очах моих тоска.
Ведь унять не может жажду созерцанье родника.

Обезумевшему сердцу светишь ночью ты одна,
Даже если до рассвета на меня глядит луна.

Лик души не виден глазу. Пусть не виден! Что мне в нем?
Нечто большее, чем душу, видит в лике он твоем.

В созерцанье роз находит наслажденье человек.
Лучше раз тебя увидеть, чем глядеть на розу век.

Сердцу сладостно приятны жемчуга твоих зубов,
Хоть по милости султана тонет в жемчуге Хосров.

69

Не знаешь ты о том, что днем и ночью плачу.
И рад бы слез не лить, но не могу иначе.

Во прахе пред тобой: «О, подними!» — взываю,
Но холодно глядишь, меня не замечая.

Я жажду губ твоих. Ужель за то в отместку
Ты говоришь со мной надменно или резко?

В моей груди найдешь печаль любви. Войди же,
Коль сердцу твоему никто другой не ближе!

О, почему печаль моей судьбою стала?
Ужели на земле других влюбленных мало?

Зачем в любви, Хосров, рискуешь головою?
Опомнись! Ведь ее не заменить второю.

70

Вынув сердце, в душу ты пришла на царство.
Ты причина боли и ее лекарство.

Грудь мою открыто, оказавши милость,
Рассекла и в ней же тайно воцарилась.

Превратила царство в жалкую пустыню
И среди развалин царствуешь поныне.

«Стою оба мира *» — гордо ты сказала.
За себя, считаю, запросила мало.

О потоках крови вспоминаешь редко,
Но грустишь, увидев сломанную ветку.

Как враги ислама, ты творишь насилье.
Милость властелина — верный путь к могиле.

От твоей улыбки сладостно застолье.
Что же я рыдаю, что же таю солью?

Сердца нет, остались только боль и горе,
И душа покинет узы тела вскоре.

Красота приносит огорченье старым.
О Хосров, не стоит поддаваться чарам!

71

Сладок сон красавиц. Нежатся на ложе,
А безумцы бродят до зари, о боже!

Все же гнет красавиц слаще райской сени.
Черпает влюбленный в рабстве наслажденье.

Окольцован страстью был Меджнуна * разум.
Не Махмуд * ли стлался пред рабом Аязом *?!

Если ты влюбился, не считай потери,
Позабудь о чести, позабудь о вере.

Смолкнешь ты, наставник, если хоть однажды
Стройный стан увидишь той, которой жажду.

Нет, не всех любовью небо одаряет.
Ведь груди не всякой тайну доверяют.

Мучаюсь, однако от любви не скрыться.
Связанные крылья неподвластны птице.

Я встречаю стоном утро дней постылых,
Я на помощь звал бы, но кричать не в силах.

Вынь из тела душу! Так ты ароматна,
Что дохнешь — вернется в грудь она обратно.

О владыка сердца, клевету не слушай,
Пусть открыты будут только правде уши!

Дай ступить хотя бы на порог чертога,
Сжалься над скитальцем, приласкай немного!

О себе молчать я буду этой ночью:
Муки многословны, ночь куда короче.

И прости Хосрову слезы, умоляю.
Он свече подобен, тающей, сгорая.

72

Сад призывает к веселью, розы в сережках росы.
О, снизойди! У зефира * сладость дыханья Исы *.

За процветание сада пейте сегодня до дна,
Я же, повергнутый небом, пьян от иного вина.

О виночерпий небесный *, тайну открой, почему
Чашу с дымящейся кровью даришь рабу твоему.

С дней сотворения мира мечутся смертные в нем,
Черт богоравных не видя в существованье земном.

Путник, дорога к Каабе * вся из коварных камней.
Вышел, так что же с опаской камни считаешь на ней?

Дервиш не тот, кто оборван. Рубищем тело прикрыв,
Сущность души не изменишь, коль не от сердца порыв.

Красит отнюдь не одежда нравственно чистого. Нет!
Низменный, нищий духовно, в пышном убранстве раздет.

Сказкам о райском блаженстве ты, о Хосров, не внимай.
Душу очисть от химеры, встречи с всевышним желай!

73

Тайно пришла на рассвете, точно сиянье дня,
И заарканила ловко локонами меня.

Дверь распахнула и стала, переступив порог.
Обмер... Когда ж очнулся, глаз отвести не мог.

О твоего явленья благословенный миг!
Передо мной, как в тумане, плыл несравненный лик.

Взор, колдовски пьянящий, точно нарцисса * взор,
Томностью глаз газели ранил меня в упор.

Видя, как лик сияет, солнечный свет струя,
Блага земли и неба предал забвенью я.

Мне без него и услады — жалящее острие.
Чашу протянешь с ядом — выпью, ликуя, ее.

Вскрикнул: «Хосрову в ухо вдень, как рабу, кольцо *,
Только бы вечно видеть мог я твое лицо!»

74

Случайно мимо кабачка я шел на той неделе.
Там путник-суфий * восседал за чашею веселья.

Он шел божественным путем, презрев земные блага,
И отличить уже не мог дороги от оврага.

И музыканты там и сям валялись, точно трупы,
Молчал барбат *, и сонный чанг * взирал на звезды тупо.

В шандале немощно свеча слезами оплывала,
Клонила голову в огне к подножию шандала.

Я кабачок хотел минуть, но поглядел туманно
Блаженный путник на меня и закричал нежданно:

«О ты, беспечный человек, в ком разума ни тени,
Отведай нашего вина — и в нем найдешь забвенье!

Ты отрешишься от себя, забудешь все невзгоды,
В руинах магов * сбросишь с плеч и горести, и годы».

Не береди души, Хосров, пройди спокойно мимо.
Ты отгорел. Пускай с огнем играет одержимый.

75

Пролили тучи на землю свежесть, прекрасен мир,
И виночерпий, пригубив чашу, зовет на пир.

А дождик льется, и с каждой каплей в душе светлей.
О, как отрадно сидеть за чашей в кругу друзей!

Такою ночью лишь неимущий благочестив,
А будь имущим, в неверье впал бы, вина испив *.

Внемли обетам не пить, о ангел, летящий в рай,
Но только небу обеты эти не передай!

О трезвый разум! Что ты в забвенье — твоя вина,
Коль этой ночью устам позволил вкусить вина.

Душа и сердце в плену извечно у красоты.
О виночерпий, повинен в этом сегодня ты!

Не розы тешат, а лица гурий * влюбленный взгляд,
Пусть даже встанет перед глазами небесный сад.

Любовь — несчастье. Как вор, уносит она покой.
Зачем же сердце Хосрова радо беде такой?

76

О, пробудись! В цветущий сад зовет благоуханье роз.
Куда приятнее в саду предаться аромату грез.

Избрал сегодня розы тот, кто раскрывает лик цветов,
И не смолкает страстный стон влюбленных в розы соловьев.

Взгляни, аллеи цветника венчает множество корон.
Для каждой волею творца воздвигнут изумрудный трон.

Летят по небу облака взглянуть на венценосный сад,
У входа замер кипарис, боясь поднять смущенный взгляд.

Но розой я не назову тебя, свершившую набег
На спавший сад моей души, поскольку краток розы век.

И о вине не вспоминай! Твой аромат пьянит сильней.
Все розы мира для меня не стоят красоты твоей.

77

Стар, но от любви не освободиться,
Бьюсь в ее силках пойманною птицей.

Вьет орел гнездо на крутых вершинах,
Я же, как сова, жизнь влачу в руинах *.

Были у меня и душа и разум,
Отняла любовь ум и душу разом.

Погребков друзья избегают ныне,
Я же в погребках легок на помине.

Жизнь прошла, и все ж гурий * не покину.
Чтит своих богов брахман * до кончины.

О жестокий рок, спи, смежив зеницы,
В погребках позволь от тебя укрыться!

Где былой огонь? Стал, увы, золою.
Точно мотылек *, я сожжен свечою.

Но опять вдали показалась пери,
И душа опять ей открыла двери.

Я в любви застрял, точно волос в гребне.
Оттого Хосров у молвы на гребне.

78

Я восхищен тобой, небесное виденье,
И в сердце вновь тоска, душа опять в смятенье.

Соперник, дай взглянуть на вожделенный лик,
Мою земную жизнь продлить хотя б на миг!

Томимый жаждой встреч, в разлуке умираю.
О гурия *, приди, моя вода живая!

Сказал: «Тобой сражен». И услыхал в ответ:
«Коль я — твоя душа, о смерти речи нет».

Я с ветерком дружил, но он исчез куда-то,
Не дарит мне давно любимой аромата.

Я сердце умолял: «Вернись, покинь ее!»
Сказало: «Не могу. Я больше не твое».

И вслед ее упрек достиг ушей Хосрова:
«Ведь сам твердишь — милы тебе мои оковы».

79

Смогу ли на тебя открыто я взглянуть?
Ведь скрытая печаль больнее ранит грудь.

Я проглядел глаза в надежде, что тайком
Придешь в ночи к тому, кто слезы льет ручьем.

Смогу ли я с тобой побыть наедине,
Чтоб на тебя глядеть не помешали мне?

Вовек не нагляжусь, коль осчастливит рок,
На твой чудесный лик — гранатовый цветок.

Я в мире этом жил единственной мечтой —
Когда-нибудь твоей упиться красотой.

Брожу среди цветов, но что глазам цветник,
Коль недоступен им боготворимый лик?

Передо мною луг, что розами порос,
Но без тебя на нем одни шипы без роз.

О райский страж Ризван *, она — ты знаешь — рай.
Открой же взору рай и насладиться дай!

Я плачу по ночам, бежит от ложа сон.
Счастливая заря зажжет ли небосклон?

Поведал бы тебе о горестях моих,
Коль мог бы не хмелеть при виде глаз хмельных.

Ступив на путь любви, сумею ли дойти?
Но и назад, Хосров, отрезаны пути.

80

Ты мне ответишь на зов едва ли,
И тяжко бремя моей печали.

О, как терзаешь меня жестоко!
Должно быть, это веленье рока.

В груди не сердце, а чаша горя.
Вместимость чаши иссякнет вскоре.

Зачах я, точно без влаги колос.
Как я, пожалуй, не тонок волос.

Познав жестокой любовь и чары,
Считаю лаской судьбы удары.

Слезами таю, как тают свечи,
И все ж надеюсь и жажду встречи.

О, ты пытаешь меня умело:
Уносишь сердце, сражаешь тело.

Проклятья сыплешь, бранишь Хосрова?
За все ответишь, поверь на слово.

81

О виночерпий, дай вина, я в грудь его волью
И в чашу сердце превращу, изгнав печаль мою.

Она воздвигла свой дворец в моей груди давно.
Я столько выпью, чтоб его разрушило вино.

Стать равным перлу во хмелю — божественная цель,
Я ж превращаю в перлы слез во мне бродящий хмель.

Сыграй пирующим, Зухра *, развесели сердца!
В награду жертву принесем, сорвав с небес Тельца.

Пусть наготове держат лук пустившиеся в пляс,
И да пронзит стрела того, кто хочет сглазить нас!

О ты, чей солнцу равен лик, светлей которой нет,
Тебя убьем, коль пригласишь до времени рассвет!

Томится сердце. В кубок мой тоска роняет яд.
О винокурпий, вновь налей сладчайшей из услад!

И пусть неверными зовет благочестивый нас,
Пред алтарем твоих бровей покается тотчас.

Твердят: «Не пейте!» Мол, с вином вступает разум в спор.
Судья ли разум? Он несет порою сущий вздор.

Неверье — запрещать вино, как запретил ислам.
Кричим: «Грешно!», а сами пьем и славим как бальзам.

О украшение пиров, о кравчий, ждет Хосров!
Придешь, несчетно пред тобой рассыплет жемчуг слов.

82

Не пора ль в руинах магов * погрузиться в радость?
Хватит ложь и лицемерье принимать за святость.

Лучше сбыть винторговцу коврик для намаза *,
Чем за шелк чалмы притворства получать алмазы.

Пьяный падает, однако смех едва ль уместен,
Ибо пьяный прямодушен, спотыкаясь, честен.

Сражено любовью тело. Так хмелейте, братья,
И роняйте слезный жемчуг наземь в харабате *!

Свято должен чтить Каабу * каждый мусульманин,
Я ж кумиру поклоняюсь, красотою ранен.

Шах души моей плутует. Загляделся малость
Я на шаха — боже правый! — пешек не осталось.

Пью вино, и чистым сердцем отмеряю снова.
Благочестие нисходит на душу Хосрова.

83

О, не пора ли обновить и клятвы, и обеты,
Разбередить былую боль? Возлюбленная, где ты?

Пускай поэт начнет газель *, где мука в каждом слоге,
Пусть обожгут его перо былых страстей ожоги.

Пусть раны от былых шипов окрасят кровью слово,
Пусть о моей тоске молва твердит повсюду снова.

Пускай любимая пройдет по улицам со мною,
Пусть шепот зависти опять услышу за спиною.

И лишь когда упьюсь вином — желанных уст любовью,
Себя очищу от страстей, молву — от суесловья.

Для слов признания в любви и ночи будет мало,
А если ты уснешь, начну признание сначала.

Откину локоны с лица и стоном сон нарушу,
И ты увидишь, что Хосров открыл для взоров душу.

Коль он останется в живых, великому Джамшиду *
Опять моленья вознесет, забыв свою обиду.

84

Отвернулась от безумца, отвернулась и судьба.
О, когда войдешь судьбою в двери твоего раба?

Я хотел поведать миру, как я в мире этом сир,
Оказалось, это знает и без исповеди мир.

Ты была моим дыханьем, ты дарила благодать.
О возлюбленная, как же без тебя теперь дышать?

Принимаю меч разлуки на души непрочный щит,
Не бегу, не отступаю. Пусть на верность мир глядит!

Я признался кипарису *: «Над тобой моя звезда».
С той поры при нем не в силах глянуть в небо со стыда.

Нет тебя. Без розоликой сердце сжалось, как бутон.
О, приди! Не то от скорби разорвет одежды он.

Ты за смерть мою в ответе. Сердце, может быть, верну,
Но не душу. Знаю, душу ты сгубила не одну.

Что ж, готов сойти в могилу, коль допустишь в свой чертог.
Укажи к нему дорогу, чтоб расстаться с жизнью мог.

Покажись, чтоб совершенство мироздания постиг:
Оба мира * созерцаю, видя твой прекрасный лик.

О Хосров, твое терпенье — от страданий не бальзам.
Опасайся, день грядущий будет хуже, знаешь сам.

85

Как мне жить, скажи, коль ты за далью?
Черпать радость можно ли в печали?

Ты жестока, и судьба жестока.
Как укрыться от ударов рока?

Я, скиталец, разорен тобою.
Как не плакать над такой судьбою?

«Душу дай!» — сказала.— О убийца!
Я влюблен, зачем же мне скупиться?

Кровь прольешь утратившего разум?
Я — твой раб, довольным быть обязан.

Щедрым был, с тобой не торговался.
Где же я, однако, просчитался?

Я не сплю, но ты о том не знаешь,
Безмятежно сладкий сон вкушаешь.

На щеках страдальца начертали
Слезы горя повесть о печали.

Жажду слить мои уста с твоими —
Рок воздвиг преграду между ними.

Мимо стража проскользнул бы вором —
Скован я небесным приговором.

Не даришь Хосрову поцелуя,
Как же раны залечить могу я?

86

Ты вечно издали меня дразнила красотой.
Уже я стар. Осталась ты несбывшейся мечтой.

Я думал в дни моей весны: раскроюсь, как бутон.
Но не привился я нигде, и не раскрылся он.

В ту ночь, когда, о мой кумир, ты удалилась в ночь,
Мне показалось, что душа ушла из тела прочь.

Теперь испытываю страх в конце моих дорог,
Что я умру не у твоих меня топтавших ног.

Я стал соперникам смешон. Ну что ж, и поделом:
Не слушал я своих друзей. Теперь скорблю о том.

О, не карай! Пришли письмо. Ты знаешь, как тужу.
Мечом молчания сразишь — мечом себя сражу.

Соблазны двух миров * отдам за ложь одной строки.
Приемлет сердце твой обман рассудку вопреки.

Я неотступной тенью шел за гуриями * вслед.
Явилась ты. С тех пор я тень, что твой отбросил свет.

Однажды я забылся сном, и образ твой возник.
Увы, что жаждущим губам приснившийся родник?

О, не кори себя, Хосров! Ты раб ее кудрей,
И потому твоя судьба подвластна только ей.

87

Вино веселья пьешь тайком и отрицаешь это.
Судьба дыхание твое подарит ли поэту?

Я видел только раз тебя и только в сновиденье,
Но свято я храню любовь, увы, к бесплотной тени.

Наверно, что-то о тебе от ветра лишь узнаю.
Ведь губишь каждый караван в тебе подвластном крае.

Измучен я. К чему вопрос: что так безумца гложет?
Лежу во прахе пред тобой. Взгляни, поймешь, быть может.

Ты меч приставила ко мне. Вонзи ж его скорее!
Я от руки твоей умру, о жизни не жалея.

88

Людей, по красоте сравнимых с ней, не знаю.
Ей, видно, красота присуща неземная.

Увидел — и застыл, виденьем очарован,
Ушла — оцепенел, очарованьем скован.

Я ринулся ветрам, секущим грудь, навстречу.
Теперь удар меча едва ли я замечу.

Завесу сердца так кокетство изорвало,
Что сердцу боль не скрыть, которую скрывало.

Терпению сказал: «О, стань целящим другом!»
Ответило: «С твоим не справлюсь я недугом».

Соперники в лицо смеются надо мною.
Измучена душа, лишенная покоя.

А были времена, когда я пел газели *
Для юной красоты за чашею веселья.

Где эти времена? Ушли с весельем вместе.
Ни разу я от них не получал известий.

Увы, надежды нет на то, что небо снова
Веселье ниспошлет печальному Хосрову.

89

Манящий взгляд, с тех пор, как стал твоей мишенью,
Я сбросить не могу оковы искушенья.

Прощаю кровь мою! Пусть льет ее не в меру
Та, что глотком вина во мне убила веру.

О кыбле * позабыл, где Батха *, я не знаю,
Как будто родился и вырос я в Китае.

Явилась предо мной, метнула взгляд единый,
От жизни в тот же миг остались лишь руины.

Нет, не пойду в цветник. Я любоваться стану
На бархатных щеках багрянцем аргавана *.

Прекрасен жемчуг слез, и сладко плакать вволю,
Но жемчуг слез, увы, не исцеляет боли.

Мне снилось в эту ночь, что ты со мною рядом.
Ниспослан раем сон или навеян адом?

Пускай навек усну и не увижу рая,
На блага двух миров * тебя не променяю.

Сразди мечом! Хосров пойдет ему навстречу,
Коль усладишь меня чарующею речью.

90

Нет стройнее стана под луною!
Безраздельно ты владеешь мною.

Ротик — приоткрытая фисташка * —
Улыбнется, я вздыхаю тяжко.

Шпоришь, зная — силы на исходе.
Что же, шпорь! В твоих руках поводья.

Полюби! Позволь коснуться стана.
Я беречь тебя от сглаза стану.

Повелишь: «Сойди с моей дороги!»,
Не смогу — в твоих оковах ноги.

Как живу, не спрашивай Хосрова.
Как мне жить, коль ты со мной сурова?

91

О, наполни чашу дополна,
Пусть тюльпаном вспыхнет от вина!

В струны чанга * влей тоску любви,
Но тоску в подруги не зови.

Как влюбленный в розу соловей,
Воспою михраб * твоих бровей.

Счастлив пьющий! Сладостно вино.
Все печали гонит прочь оно.

Так налей напиток огневой,
Пусть проступит на лице росой!

Пусть продлит красавиц томный взгляд
Радость жизни лет на шестьдесят!

Брось к ногам соблазников, Хосров,
Все свои сокровища стихов!

92

Не пристало мне притворство выдавать за благочестье.
О, налей полнее, кравчий, и осушим чаши вместе!

В той стране, где благочестье и трухи не стоит даже,
Что получишь за обеты, побывавшие в продаже?

Продырявившему череп о булыжник с перепоя
Надзирателя угрозы — дело попросту пустое.

Из-за разума и сердца я испытывал тревогу,
Но ни разума, ни сердца не осталось, слава богу.

Да, Хосров не отказался от кумиров и кумирен.
Не пытайтесь образумить. Раб — и тот порой не смирен.

93

Ночь ли это без конца и края или косы смолокудрой пери?
То луна моим глазам предстала или ты вошла неслышно
в двери?

Расцвели фиалки и нарциссы, соловей от розы ждет ответа,
А меня пронизывает холод. Да весна ли, в самом деле, это?

Что, садовник, мне твои восторги, если сердце говорит иное:
«Утверждаешь, пред тобою роза? Острый шип, о друг,
перед тобою!»

Дни мои от грусти потемнели, не приносят ночи мне покоя.
Как у неба вымолить пощаду день и ночь рыдающей строкою?

Я хочу сгореть в моей печали. Разожги огонь еще сильнее!
Та печаль оставлена на память красотой жестокою твоею.

Я гляжу с надеждою на двери, но мои глаза истлеют прежде,
Чем в награду за долготерпенье суждено исполниться
надежде.

От веселья пиршеств отрешенный, погруженный в горести
и беды,
Я лишен улыбки юных гурий * и приятной дружеской беседы.

О Хосров, охотницей сраженный, чья стрела смертельно
сердце ранит,
Жалко мне тебя. На дичь такую даже пес охотницы
не глянет.

94

Приди, о розовая ветвь, и станет пир цветущим садом,
Пьяни вином твоих речей, подобным чаше с горьким ядом!

С кудрями ветер обвенчай, пусть их целует до рассвета,
И чей-то сладкий сон развей, нарушив данные обеты.

Юсуф * отринул Зелиху *, от страсти рвавшую одежды.
Невозмутимостью и ты лиши поклонников надежды.

Я не однажды изменял у ног чужих богов Корану *,
Пред алтарем твоих бровей Корану снова верен стану.

Когда же я умру, в мечеть, прошу, не относите тело,
А отнесите в храм огня, чтоб сердце заново сгорело.

Захочешь в зеркало взглянуть — испепели меня сначала
И пеплом зеркало посыпь, чтоб вновь душа возликовала.

Позволь с лица откинуть прядь! Зачем старательно скрывает
Завеса мускусных кудрей как розы лик благоухает?

Дай насладиться красотой перед безвременной кончиной!
Не откажи — и этот мир без сожаления покину.

Приди, о туча! Ты черна, глаза возлюбленной чернее.
Молю, от зноя защити, повей прохладою над нею!

О врачеватель, есть недуг, что в нашем сердце занят
делом.
Лечи, но только от иных, без нужды завладевших телом.

Не жертва тот, кто красотой подвергнут мукам вожделенья,
Но станет жертвой красота, коль душу даст на разграбленье.

Я потерял покой и сон. Но чтобы ты спала, о роза,
Да будет мне постелью прах, да льют глаза ручьями слезы!

О красота! Дворец любви воздвигла страсть в груди Хосрова,
И пали прежние дворцы пред силой этой страсти новой.

95

О всех торговцев сахаром глава *,
Из-за тебя обеты — лишь слова.

Из рук твоих вкусившие любовь
Пьют не вино, а собственную кровь.

И все ж тоской наполненный сосуд
Они земле и небу предпочтут.

Свече веселья разогнать невмочь
Печали тех, кого ты гонишь прочь.

Из-за завесы розой появись
И цену всем красавицам понизь!

Ты безмятежна просто оттого,
Что о любви не знаешь ничего,

И от незнанья спят глаза твои,
Как ни поют, рыдая, соловьи.

Хоть о тебе везде трубит народ,
Хосров в краю безмолвия живет.

96

Какой у сахарницы вид? О, повернись ко мне,
И с ней сравнить твои уста смогу вполне. Вот так!

Как похищаешь ты сердца? О, кинь лукавый взгляд
И в сердце влей из-под ресниц любовный яд. Вот так!

Как в теле держится душа? Яви свой лунный лик,
Побудь с душой наедине хотя бы миг! Вот так!

Смеется ль роза? Вот вопрос, который мне смешон.
Твоих едва приметных уст раскрой бутон! Вот так!

О, как, скажи, тебя обнять, моей души смутьян?
Стяни потуже пояском прелестный стан. Вот так!

Клянешься в верности? Но как, коль и намека нет,
Напасть на верности твоей хотя бы след? Вот так!

Коль есть такой, что мук любви не ведал на веку,
Прочти такому хоть одну мою строку! Вот так!

97

Вдруг слетела райской птицей на закате дня
И сверкнула опереньем, осияв меня.

Не весна ли то спустилась с горних высей вниз?
Позавидовал бы стану стройный кипарис.

Я глаза напряг до боли, все же, видит бог,
Есть ли талия у гостьи, разглядеть не мог.

Протерев глаза, спросил я, пораженный тем:
«Я ослеп или, быть может, нет ее совсем?»

Поглядел на лик. О боже, что передо мной?
Это лик или творенье кисти неземной?

Описать уста-рубины не хватает слов.
На рубины в перстнях больше не глядит Хосров.

98

Нет, истая любовь в любви не жаждет власти.
Ей жертвенность — бальзам, самозабвенье — счастье.

В ней ставка — жизнь. Она не устрашится боли.
А низменная страсть — игра в любовь, не боле.

Ты — нега, ты — любовь, о мой цветок граната!
Ты солнцем и луной на ложе звезд зачата.

Я весь в крови. Позволь, и я склоню колени,
Безмолвно вознося у ног твоих моленья.

Сверкаешь красотой, и мир, утратив разум,
Склонился пред тобой Махмудом * пред Аязом *.

О ночи кос твоих! Столь долги ночи эти,
Что по ночам к творцу взываю о рассвете.

Скажи, как сердцу быть? Оно — борец за веру,
А ты ее крушишь, усердствуя не в меру.

Душа полужива. Что толку притворяться?
Но долго ли в груди сумеет продержаться?

Хосров склонил главу покорно, униженно.
Молю, сруби ее, коль обласкать не склонна!

99

О виночерпий, полнее чашу Хосрову налей!
Выпить сегодня желаю, как и вчера, за друзей.

С первого дня сотворенья не для юдоли земной
Риндам * кроил одеянье самый искусный портной.

Пей с наслажденьем чашу собственной крови до дна!
Истинный суфий * не примет чашу чужого вина.

Пей, и светильник веселья вызовом станет судьбе.
Пусть, как в светильнике масло, алчность сгорает в тебе!

Хочешь хранить без царапин жемчуг высокой души,
Сердце свое от соблазнов низменных благ отреши.

С кубком сиди меж достойных, истинным цветом земли,
И проследи, чтобы мухи в кубок попасть не могли.

Дай-ка еще, виночерпий! Пьяны Хосров и друзья,
А захмелевшим не страшен ни мухтасиб *, ни судья.

100

Благословенны были дни, когда беспечно вел с друзьями
За чашей чистого вина беседы долгими часами.

Теперь, увы, мои друзья приходят лишь в воспоминанья.
Так с ветки сорванный цветок еще дарит благоуханье.

Друзья навьючили шатры и в мир иной откочевали,
А я отстал, и жизнь влачу один как перст в шатре печали.

Не вижу сверстников моих ни на прогулке, ни в мечети.
О боже, кажется порой, что их и не было на свете!

По воле неба я скорблю и возношу ему моленья,
Но и в молитвах не могу найти от скорби исцеленья.

О сердце, стоит ли скорбеть и вспоминать былое, плача?
Что этот мир подобен сну, увидеть может каждый зрячий.

Придя на время в этот мир, в стяжанье смысла жизни ищем.
Что проку в том? Удел стяжать оставь, о друг,
духовно нищим.

Земных соблазнов сторонись! Поскольку наше тело бренно,
Небесной истине служи, непреходящей и нетленной.

В умершем сердце, о Хосров, не воскрешай гордыни снова.
Молчи, живых не поучай! Что мертвый лекарь для больного?

101

Хмельною чашей уст безумца не пьяни
И винный кубок в том лукаво не вини!

Пылая гневом, все ж не обжигай меня.
Ведь ты — луна, а жечь дано светилу дня.

Разбойничать идешь — лицо свое прикрой!
Разбойник при луне не ходит на разбой.

Всю Индию обрек на муку томный взгляд,
И все ж твои глаза пусть в эту ночь не спят.

Сразить меня мечом, тюрчанка *, не спеши.
Взгляни хотя бы раз, и я лишусь души.

А есть ли у тебя уста? О, дай ответ!
Но промолчи, коль их, как полагаю, нет.

Дай высохнуть слезам безрадостных ночей,
Молю, не разрушай дворца мечты моей.

Хосров сидит во тьме, светильник догорел.
О, если б я открыть лицо твое сумел!

102

У большинства людей покой и ясная дорога,
А я, любимая, брожу у твоего порога.

Когда же сводят нас порой случайные дороги,
Руками я тянусь к тебе, но прочь уносят ноги.

О день разлуки, черный день! Чернее не бывало.
Ушла, и тотчас же тоска в меня вонзила жало.

Ушла, а я лишился чувств. О мой жестокий идол!
Куда направила шаги, я так и не увидел.

Увы, желать с любимой встреч — знамение дурное.
Она должна быть вдалеке, желание — со мною.

Осуществится ли оно — ее решает слово,
Но и немилостью нельзя убить любовь Хосрова.

103

Возвещают почи кос, коль выходишь за ворота:
Искушенье в эту ночь умертвит опять кого-то.

Если б мог твою красу на весах небесных взвесить,
Мне пришлось бы положить на вторую чашу месяц.

Я бледнею с каждым днем, ты же розою алеешь.
На мое лицо взгляни, и страдальца пожалеешь.

Не в моих руках, увы, лук, стреляющий печалью.
День за днем в меня печаль стрелы глаз твоих вонзали *.

Чары верности моей, может быть, достигли б цели,
Если б только одолеть колдовство твое умели.

О искусный сердцелов! Что тебе сидеть в засаде?
Ведь у локонов твоих сотни петель в каждой пряди!

Лик открой моим глазам, о прекрасная, как пери!
Ты настолько хороша, что глазам своим не верю.

Согнут бременем любви стан печального Хосрова.
Если б ношу уронил, на себя взвалил бы снова.

104

Куда уйти, куда от мук укрыться?
О ночь разлуки, где твои границы?

Шуршишь в ночи моей листвой опавшей.
Где ветерок, любимою дышавший?

Когда б дохнул ее благоуханьем,
Вернул бы жизнь Исусовым дыханьем *.

О, где она, моя заря рассвета?
На мой вопрос у ночи нет ответа.

Укрой, о смерть, меня могильной сенью!
Лишь в вечной жизни я найду спасенье.

Сожжен я ликом солнечным, о боже!
На муки ада жизнь моя похожа.

А мог бы я вкусить блаженство рая,
Но где моя любимая, не знаю.

Лишь в сновиденье не была сурова,
Коснуться уст позволила Хосрову.

О, принеси мне весть, скиталец-ветер,
Пока еще живу на этом свете!

105

С лица следы ночного хмеля и дню стереть невмочь,
Припухли губы. Чьей подругой была ты в эту ночь?

Привяли кудри-гиацинты, и спят нарциссы * глаз.
Открой мне тайну, чью обитель покинула сейчас?

Увы, моей свечой желанья ты не бывала, нет!
Кому же полною луною в ночи дарила свет?

Твои глаза — глаза газели, что укрощают львов.
Скажи, газель, чей был удачен сегодня ночью лов?

Еще объятья не остыли, еще горишь, любя...
О кипарис *, кто этой почью, скажи, любил тебя?

Лицо, что в солнечной купели, как роза, брало кровь,
Где истомила и омыла в купели слез любовь?

Не ты ли рвешь одежды сердца, покров его надежд?
Поведай, кто сорвал сегодня покров твоих одежд?

На части сердце разорвалось, душа к тебе ушла.
О сердца моего частица, чьей в эту ночь была?

Хосров изранен. Ты на раны жестоко сыплешь соль.
Скажи, чью душу ты лечила, чью усмиряла боль?

106

О ты, что блещешь красотой на зависть идолам Азера *,
Ты превосходишь их красу, как свет небесный тьму пещеры.

Нет, ты не просто красота! Еще на свете не бывало,
Чтобы сиянье красоты луну и солнце затмевало.

Я путешествовал не раз, я много видел, много знаю,
Красавиц множество встречал, но красота твоя иная.

Не уходи, о кипарис *! Услада глаз, побудь со мною!
Ты для меня — покой души, уйдешь — лишишь меня покоя.

Но ты уходишь погулять на луг в тюльпанах и гвоздиках,
Уносишь душу и покой. Таков обычай луноликих.

Весь мир тобою разорен, весь мир влюблен в тебя, о пери,
И погрузили этот мир нарциссы * глаз твоих в неверье.

Подобно нищему, Хосров в твоем краю блуждает ныне.
О, ради господа, подай хоть взгляд скитальцу на чужбине!

107

У влюбленных дни печальны, ночи долги и темны.
Не ищи в сердцах влюбленных ликования весны.

Для влюбленных чаша муки — вот возвышенная цель.
Не ищи святого рвенья в ринде *, пьющем горький хмель.

Лишь колючки осужденья породит мой тленный прах.
Не ищи прекрасной розы на бесплодных пустырях.

Если жертвенно не можешь душу в дар преподнести,
Не ищи напрасно, сердце, к сердцу гурии * пути.

О любовь! Иду в неволю. Предрешила так судьба.
Не ищи во мне решимость, вдень сама кольцо раба *!

Милосердья у красавиц нет и не было, Хосров.
Не ищи у них пощады, не беги от их оков.

108

Миг блаженства с юной розой, миг у рая на краю,
Променять, о друг, не вздумай на бессмертие в раю!

Не беги от наслаждений, от красавиц и вина,
Торопись, о друг, упиться этой жизнью допьяна!

Много ль проку от печали о печали бытия,
Если знаешь: мир не вечен, быстротечна жизнь твоя?

Настоятель, разве ринда * разуметь тебе дано?
Далека мечеть от храма, где святыней чтут вино.

Что кичишься благочестьем? Ты скорее в храме том
Средь безмолвного смиренья мог бы свидеться с творцом.

Пусть тебе по нраву шейхи, мне — пропойцы в самый раз.
Ты за нас не отвечаешь, что ж заботишься о нас?

109

Наступил весенний праздник. Слышишь, чанг * уже звенит.
Дай вина, о виночерпий! В нем утопим боль обид.

В Судный день, поверь, не спросят с тех, убитых наповал,
Кто за чашею у мага * смертью мученика пал.

И у шейха, словно четки, кубок вертится в руках,
Коль твои уста пригубить разрешит ему Аллах.

Что, скажи, возьмут от жизни, кроме грусти и тоски,
Те, что в праздники от кубка и от магов далеки?

Коль путем, ведущим к богу, с чистым сердцем ты идешь,
Что тебе до назиданий лицемеров и святош?

Я не пить, о виночерпий, много раз давал зарок,
Но глаза твои хмельные снова тянут в погребок.

Смотрит праведник смущенно на тебя издалека,
Только что-то не уходит, все торчит у погребка.

110

Ты — душа, какою душу видит мир,
И душа, что слаще мира, о кумир!

От твоих набегов сердце — мертвый край.
Ты владыка сердца. Хочешь, разоряй!

Тяжко бремя жизни пленнику любви.
Умертви безумца, но вовек живи!

Хоть с душой расстался, все же я живой,
Оттого, что стала ты моей душой.

Боль уйми Хосрова — жизнь взамен отдам.
Ты причина боли, ты же и бальзам.

111

О ветерок, ты вновь подул, куда же держишь путь?
Скажи, чей жаждешь аромат в конце пути вдохнуть?

О, сколько юных роз раскрыл у ног твоих цветник!
Ужели в мире этом есть красивей розы лик?

Благоуханен ты и сам, как этот райский сад.
Какой же ищешь ты еще небесный аромат?

К тебе взывает гиацинт: «Коснись душистых кос!»
Скажи, по ком же ты грустишь? По амбре чьих волос?

Другой цветник тебя манит, хоть путь туда далек.
Какую розу там ласкать, ты знаешь, ветерок!

О, не лети туда! Не там плененных ею край.
Сердца, томящиеся здесь, дыханьем освежай!

Хосров разлукою убит. Бредет в пустыне он.
Стенает горестно: «Воды!» Никто не слышит стон.

112

Нарушу в эту ночь обет не пить вина.
Красавица, налей! Пьяни и будь пьяна!

Коль виночерпий — ты, что для меня обет?
От веры отрекусь, переступлю запрет.

Сегодня ночь любви. Коль в кубок всыплешь яд,
Из рук твоих принять и смерть безумец рад.

Не веришь мне? Взгляни, от слез в крови подол.
Я, как Юсуф *, рыдал, пока тебя обрел.

Желаешь знать, как жил? Кощунственный вопрос!
Ведь на него ответ — следы кровавых слез.

Я пламя изрыгал, кляня жестокий рок,
Желая, чтоб его огонь стенаний сжег.

В твоих руках судьба: умру иль буду жив.
Не говори, что я вынослив, терпелив.

Под бременем любви согнусь, быть может. Пусть!
Паду, но от него и то не отрекусь.

Твои газели * жгут печалью, о Хосров!
Коль пойман соловей, ликует птицелов.

113

В моей израненной груди любовь сокрыла клад.
Душа горит. Ведь клад во тьме пылает, говорят.

Но, врачеватель, не ищи моей душе бальзам.
Коль душу гурия * вернет, я исцелюсь и сам.

О пери, надо мной твоя незыблемая власть!
Ты — новоявленный Юсуф *. Позволь к ногам припасть!

Вчера я слышал, как тюльпан, зардевшись, произнес:
«Смотрите, кто пришел в цветник! Сама царица роз!»

Разлукой сердце сожжено. Проходишь стороной,
Не бросишь взгляда на меня, не спросишь, что со мной?

О, как рыдает по ночам в моей груди печаль!
Ты слышишь плач, но глаз моих, увы, тебе не жаль.

И, плача, радуюсь камням не слишком щедрых слов:
«Я мельком о тебе вчера подумала, Хосров!»

114

Безмерно счастливы глаза, что на тебя глядят,
Сердца, вдыхающие твой небесный аромат.

Но льют, увы, мои глаза кровавые ручьи.
Как им не плакать, коль с тобой соперники мои?

Ты держишь зеркало в руке и ловко завиток,
Меня разящий наповал, спускаешь на висок.

И обрамляет ночь волос твой бледный лик. На нем
Играет бледная заря предутренним огнем.

Ты аромат у кабарги, наверное, взяла,
Она же у твоих кудрей пушистость заняла.

Мне твоего и волоска не подарила ночь,
И жизнь моя на волоске, и мук не превозмочь.

Индийцы всходят на костер, а я уже сожжен.
Твоим индийцем стал Хосров, хотя и тюрок он *.

115

Пью не сладость встреч, а сладость чаши с собственною
кровью.
Счастлив я! Бальзам шербета дай измученным любовью!

Да, душа моя в печали, но душою я не нищий.
Что другим — печаль, то стало для меня духовной пищей.

Пусть меня убьет соперник, но не ты своей рукою.
Поручи ему убийство. Рук твоих, увы, не стою.

Удалилась на верблюде. Сердце следом полетело.
О любимая, выносит жизни вьюк душа из тела.

Мой подол изорван в клочья. Жалят грудь косые взоры.
Слезы, смойте пыль с подола, чтобы скрыть следы позора!

Мой хулитель! Коль сияет солнца лик на небосводе,
К солнцу тянутся пылинки, все, какие есть в природе.

Ну а ты, о назидатель, предпочти, молю, молчанье.
Извлекать стрелу не пробуй — только боль усилишь в ране.

Замолчи, певец! До неба страсть моя возносит пламя.
Лей на те поленья масло, что пылать не могут сами.

О Хосров, твои газели * для других сердец — услада,
А твое исходит кровью, и стихов ему не надо.

116

Ты, что ранишь безоружных, превратив ресницы в стрелы,
Мне ответь: «А есть ли сердце, что стрелою не задела?»

О глаза — моря соблазна! О изогнутые брови —
Два натянутые лука, вечно жаждущие крови!

Мне не справиться с такими изощренными врагами.
Ведь мои душа и сердце мне к тому ж враги и сами.

Если свет глаза увидят, твоего не видя света,
Если, твой увидев, слезы не прольют — кори за это!

Без тебя, пьянящей душу, одинокий в этом крае
Не вино я пью, а масло в пламя муки подливаю.

На пиру, где добровольно должен сжечь себя влюбленный,
Много трусов. У индийцев любят жертвеннее жены.

Служит дивный облик розы соловью духовной пищей.
Только низменная птица на потребу зерна ищет.

В грудь Хосров себя колотит у твоей закрытой двери.
Станет стражем с колотушкой у тебя и шах, о пери!

117

Обитель сердца, о любовь, превращена тобой в пустыню,
И все же трепета полна пред красотою и поныне.

Мне голова — тяжелый груз, обременительная ноша.
Легко вздохну, когда ее во прах к ногам красавиц брошу!

Я к заключению пришел: они решили непременно
Кокетством кровь мою пролить. Подставлю грудь
мою смиренно.

О мой соперник, знай, они пытают ловко и умело.
Ищи усладу в них душе и не ищи услады телу.

От мрака локонов глаза, терпенье, разум помрачились.
Вот все, что мне дала любовь, и то — как царственную
милость.

Твержу себе: «Не отдавай души красавицам!» — и все же
Душа уходит в рабство к ним, и вслед за нею сердце тоже.

Но милосердия, Хосров, не жди от тех, кому, сгорая,
Ты отдаешь земную жизнь во имя призрачного рая.

118

Не считай, что я бесправен. О, поверь, настанет время,
Я сорву узду насилья и ногою стану в стремя.

Пусть пролью ручьями слезы, я припомню все утраты,
Призову тебя к ответу и потребую расплаты.

Жизнь моя прошла в печали. Я решился! Иль умру я,
Иль достигну вечной жизни в райской неге поцелуя.

Но покуда бью поклоны у порога непрестанно.
Повели — и прах порога по цене куплю шафрана *.

О, не прячь уста! Желаю дотянуться хоть до соли,
Если яствами насытить на пиру не хочешь вволю.

А подаришь благосклонность, чем озолочу за счастье?
Желтизну лица страдальца не наденешь на запястья.

О подобная Юсуфу *! Коль просили б у Хосрова
За тебя все блага мира, цену счел бы он дешевой.

119

В ночи разлуки бесконечной, страшнее Страшного суда,
Мои глаза слезятся кровью, не просыхая никогда.

Я мог бы слезными ручьями залить и тысячу огней.
В моей груди огонь пылает от горьких слез еще сильней.

Твой лик свежей, чем юной розы полураскрывшийся бутон.
С устами я сравнил бы сахар, коль был бы столь же
сладок он.

О ветерок! Я ей неведом. И все же про любовь мою
Тайком поведай луноликой, коль будешь ты в ее краю.

Скажи, не устрашусь пустыни, чтоб только на нее взглянуть.
Для почитающих Каабу * не страшен самый трудный путь.

Скажи, она меня узнает, коль в гости явится ко мне,
По тяжким стонам и по сердцу, испепеленному в огне.

Скажи, под бременем печали я скоро в мир уйду иной.
Пусть посетит хотя б могилу, коль хочет встретиться
со мной.

О, сколько есть любви не знавших и отрицающих ее!
А я сражен моей любовью. Что ж, видно, каждому свое.

И если чашу мук Хосрову придется осушить до дна,
Да будет даже прозорливым, за мной следящим, не видна!

120

Пока рассудок помрачен, увы, неразделенной страстью,
В твоем плену моя душа и сердце у тебя во власти.

Не становись на путь любви, достойный жалости святоша,
Коль одиночество тебе обременительная ноша.

О ты, что сердце унесла, его опутав черной прядью,
Как боль моя черна! И все ж такая боль равна усладе.

Когда б садовник увидал, как ты, о гурия *, красива,
Сказал бы: «Много дивных роз, и все ж такая роза — диво!»

Украшен твой чудесный лик индийской родинкой *. О боже,
На этом лике и она благословенной стала тоже!

Томлюсь ночами. У меня нет ни одной короткой ночи.
Та ночь, которая в году длиннее всех, куда короче.

В аллее сада кипарис взмывает ввысь, прямой и стройный.
Богиня, стану твоему и он соперник недостойный!

Я гибну от любви к тебе, но ты не молвила ни разу:
«Где тот, который потерял из-за меня и честь, и разум?»

Спрячь красноречие, Хосров! Слова о чести — суесловье,
Пока не одолеешь страсть и не расстанешься с любовью.

121

Мои глаза покинул сон, душе и сердцу нет покоя.
Они в смятенье пред твоей столь совершенной красóтою.

Таить не в силах тайну тот, кто разорвал ее покровы.
Коль распускается бутон, не может он закрыться снова.

Сними с твоих очей покров и дай влюбленному усладу
Коленопреклоненно пить вино чарующего взгляда.

О взмывший в небо кипарис, что опоясан облаками,
Вокруг подножья твоего деревья кажутся ростками.

В меня бальзама не втирай, не продлевай страдальцу муки.
О, лучше сразу меч вонзи, омой моею кровью руки!

Кто не отдаст тебе души, при жизни мертвого мертвее.
Ведь мертвый был бы рад отдать вторую, коль владел бы ею.

Глаза Хосрову не смежить и сном на ложе не забыться.
Благоговейно на кумир не запретишь взирать индийцу *.

122

Кто тебя однажды видел, сердца больше не найдет.
Кто пригубил чашу магов *, трезвым с пира не уйдет.

Жизнь прошла, оставив сердцу бесконечный счет потерь.
Тело немощно, но страстью одержимо и теперь.

Ты, качаясь в паланкине, проплыла передо мной,
Караван тоски безумцу в дар оставив за спиной.

И не сделать каравану перехода одного,
Как тоска изгложет сердце и развеет прах его.

Я тону в волнах печали. Где спасительный канат?
Днище ветхого ковчега не упрется в Арарат *.

Пусть на миг пришла когда-то, и за то тебе хвала!
Годы минули, однако ты из сердца не ушла.

О Хосров, тебе любовью предначертано страдать.
Будь признателен за муки. Эти муки — благодать!

123

У роз твоя, о роза, красота,
И дали цвет вину твои уста.

Нарцисс в твои нарциссы * глаз влюблен,
Когда очей не сводит с розы он.

Дыханьем розы дышит соловей,
Подобно мне, и в час разлуки с ней.

Аркан твоих благоуханных кос
Опутал сердце и навек унес.

Арканы рвавший мул Дулдул * — и тот
Аркана кос твоих не разорвет.

Брось на Хосрова милостивый взгляд,
Коль подарить ему желаешь клад!

124

Наполнен кубок мой печалью по края.
Где, утренний зефир *, любимая моя?

В ночи не светит мне и полная луна.
Где свет моих очей, не ведающих сна?

Сказала мне: «Рыдай!» Рыдаю день и ночь.
Где та, что может мне сочувствием помочь?

И тело и душа изранены тоской.
Где та, что унесла безжалостно покой?

Стенающий Хосров издать не в силах крик.
Где силы взять, чтоб он твоих ушей достиг?

125

О пери, чьи уста — родник воды живой,
Подобен солнцу лик благословенный твой.

По долгим вечерам свечу надежды жгу,
Но вырваться из пут печали не могу.

Ужели, кроме слез, не ведать мне услад?
Мои глаза — Джейхун *, мои глаза — Фарат *.

Я в пепел превращен разлукой. О Аллах,
Пусть ветер унесет в небытие мой прах!

В слиянии с тобой, любимая моя,
Божественная суть земного бытия.

Пусть не узрю пушок, как древле Хызр * траву,
Пригублю чашу уст и тотчас оживу.

Когда бы индуист тебя увидеть мог,
Забыл бы он богов Сомната *, видит бог.

Кричу, как будто ночь испепелил в вине:
«О чашу поутру подай, подруга, мне!»

Пылинкой на ветру Хосрова носит страсть.
Увы, не обрести ему над нею власть.

126

По крови слез прочти тоску, вселенную любовью,
И в книге верности прочтешь всего лишь предисловье.

Последний час, последний вздох уже не отодвину.
О, посочувствуй мне, сказав: «Я в гибели повинна...»

Что мне душа? В ней прок один: она тебя вместила.
Не поселись ты в ней, душа меня бы тяготила.

О, не сочти мои слова за дерзость самомненья!
Удел влюбленного брести за красотою тенью.

Ведь будет лилия смешна, коль станет пред соседом
Хвалиться, будто бы за ней кружится солнце следом *.

О сердце, я воспламенен. Ответь, ужели надо
Пылать всю жизнь, не получив взамен иной услады?

Куда идти, коль я теперь приговорен к скитаньям
За ветром вслед, что манит в даль твоим благоуханьем?

Стой у ее ворот, Хосров, коленопреклоненно,
Стеная плачь, и, может быть, она услышит стоны.

127

Уж месяц скрыты от меня два полумесяца бровей.
Душа во мрак погружена. Молю, явись и мрак развей!

О, как давно не вижу я твоей улыбки, мой кумир,
Улыбки розы, чьих кудрей коснулся утренний зефир *.

Меня терзают сотни стрел, пронзивших сердце острием.
Жестокосердая моя, увы, не ведает о том.

В мою обитель не спешит войти дыханием Исы *.
Не знаю, умер иль живу, но к смерти клонятся весы.

Ночами лью потоки слез. Нет, не кляну их! Видит бог,
Они — услада. Не от слез, а от любви я изнемог.

Послал бы голубя с письмом, с мольбою вспомнить обо мне,
Но так пылает грудь моя, что он сгорит в ее огне.

Царит в поэзии Хосров, и у царей ему почет.
Что проку, если у Билкис * ему не быть, как был удод *.

128

Не человек, а камень тот, над кем любовь не властна.
Искать в бегущем от любви черты людей напрасно.

Благие мысли и любовь нерасторжимо слиты.
Узришь ли в зеркале себя, коль ржавчиной покрыто?

Я душу в клочья разорву, чтоб хоть ее частица
Могла в надменные глаза красавицы вселиться.

Хулите! Я лежу ничком во прахе перед ними.
Презрен влюбленный, коль его не оскверняют имя.

Воспламеняет сердце чанг * в руках прелестной девы,
Но вновь наигрывает он любовные напевы.

Подобно розе, внемлю я в изодранной одежде
Печальным песням соловья, и грустно мне, как прежде.

Я сердце распахнул тебе, но много ль в этом проку?
Ведь сердце у тебя в плену, я от него далеко.

Не обнажай меча! И так расстанусь с головою.
Того, что воины в бою, добьешься и без боя.

Что ж ты уходишь в гневе прочь? Тебя, сходя в могилу,
За край одежды удержать Хосрову не под силу.

129

Ночь кончается, но чашу вновь налей!
Приглашает встретить утро соловей.

Счастлив тот, кто с пенной чашею в руке
Рядом с розой восседает в погребке.

Так налей весельем чашу по края!
Помни, жизнь короче трели соловья.

Пусть твердят, что я беспечен. Видит бог,
Тот беспечен, кто не ходит в погребок.

Благочестие святоши не по мне,
Чистоту и святость черпаю в вине.

Хоть не к чести захмелевшим в драку лезть,
Выдрать клок у мухтасиба * в драке — честь.

Захмелевший — царь вселенной, шаханшах *,
Я же раб вина веселья в погребках.

Много ль радости в безгрешности, Хосров?
Слаще радость отпущения грехов.

130

Ты смутила станом стройный кипарис *,
Облаком прикрылся и не смотрит вниз.

Рот едва приметный, талия твоя —
Недоступный глазу след небытия.

Прежде чтил Каабу *, небо возлюбя,
А теперь молюсь я только на тебя.

Святость и влюбленность сочетать нельзя.
Не ведет в кумирню святости стезя *.

Я тобой измучен, непосилен гнет.
Был листок терпенья, сорвала и тот.

Но пока не снимешь с пленника цепей,
Буду я покорен участи моей.

Молвила Хосрову: «Ты хватил вина».
Нет, сражен любовью, а любовь хмельна.

131

Кто твой лик увидел, скажет — душу видел он,
На уста взглянувший будет в том же убежден.

Превратишь красою в хаос этот мир опять.
Я могу, не лицемеря, это предсказать.

Поцелуй даешь за душу? По такой цене
Поцелуй, считаю, даром предлагаешь мне.

Я припал к щеке губами, к ямочке на ней.
О творец, уста-кораллы не пьянят сильней!

Но, увы, твое виденье, а не ты со мной.
Я бежать от мук разлуки жажду в мир иной.

Смерть почел бы вечной жизнью. Сердце извелось.
Ворон немощное тело счел вчера за кость.

О Хосров, печаль скитальцев ты познал теперь
У порога, за которым запертая дверь.

132

Как могу я счастье встречи обрести,
Если только воздух у меня в горсти?

Взволновали сердце волны черных кос,
И покой навеки их поток унес.

О Аллах, пред ними я лежу в пыли,
Рад бы, но подняться не могу с земли.

Снова я мечтаю на исходе дня,
Чтоб закат окутал тьмою кос меня.

Осушая кубок, думаю о том,
Что меня споила призрачным вином.

О Хосров, разрушен твой дворец надежд.
Ухвати хотя бы край ее одежд!

133

Окровавленное сердце стонет в жажде поцелуя.
О Аллах, за что караешь, даровав любовь такую?

Где моя былая сила? Ей взамен пришла усталость,
И от разума былого лишь безумие осталось.

Там, где прежде было сердце, ныне порослью колючей
Разрастается шиповник средь руин благополучья.

Кто мою печаль увидит, на Ширин * не бросит взгляда,
Кто мои услышит стоны, позабудет плач Фархада *.

Пусть тоска погубит душу, пусть молва меня осудит,
Что назначено любовью, то пускай со мною будет.

Но, молю, услышь, о роза, эти жалобы и стоны
И явись глазам страдальца, улыбаясь благосклонно!

Снова пиршество в разгаре, ходит чаша круговая.
Улыбаешься из чаши отраженьем девы рая.

О Хосров, спеши, покуда не покинул месяц неба,
И хотя б у отраженья воздаяния потребуй!

134

Ветерок благословенный мне принес бальзам на раны —
Благовонных кос любимой аромат благоуханный.

Дай испить пред смертью, кравчий, ибо смерти он предтеча,
Ибо прочь душа уходит, торопясь ему навстречу.

Не сама ль судьба явила лик возлюбленной, которым
Не давала упиваться и во сне алкавшим взорам?

Нет, лицо ее предстало в забытьи, в хмельном тумане,
И вино, что пью сегодня, мне за муки воздаянье.

Что житейские невзгоды? С ними я еще поспорю.
Неотступное виденье — это истинное горе.

Ты, о гурия *, с другими. Что мне жизнь? Расстаться с нею
Мне легко, клянусь душою, ибо жить еще труднее.

Я ресницами дорогу рад мести, чтоб ты явилась.
Пыль ничто глазам Хосрова, коль окажешь эту милость.

135

Отчего томишь разлукой, сребротелый кипарис *?
Отчего не внемлешь стонам? Умоляю, отзовись!

Может, шла ко мне и кто-то на пути перехватил
Своенравную подругу, что сердца лишает сил?

Ты сведешь меня в могилу, коль ко мне забыла путь.
Помни, отнятую душу больше в тело не вернуть.

О, прости мне! У влюбленных не должна душа роптать:
Со смирением укоры невозможно сочетать.

«Не взирай,— кричат святоши,— на небесные черты!»
Я не в силах отвернуться от виденья красоты.

На мои глаза ступает, ей ресницы острием
Жалят ноги, но уколы равнодушной нипочем.

Чем затмить любовью разум, подняла бы лучше меч
И безумие снесла бы с головою вместе с плеч.

О луна, скажи безумцу: «Посвечу тебе, клянусь!»
Страшно мне: а вдруг с тобою темной ночью разминусь.

Свет в моих глазах подобен свету гаснущей свечи
Оттого, что им не дарит солнцеликая лучи.

Как Хосрову быть, коль сердце завитки ее кудрей
Держат шелковою цепью крепче кованых цепей?

136

Зачем скрываешь лик? Он виден все равно.
Ведь если был бы скрыт, все умерли б давно.

Я дервиш, я сношу презрение молвы.
Как рубища, любви не утаить, увы.

Не говори: «Зачем застыл в восторге он?»
Твой лик увидев, кто ж не будет восхищен?

Ты орды взоров шлешь, и силы не равны.
Семь поясов * земных тобой разорены.

Твоих измен не счесть. Чтоб обрести покой,
Я сердцу говорю: изменчив нрав людской.

Пусть не дал никому бессмертия Аллах,
Бессмертие даруй Хосрову хоть в стихах!

137

Ты удаляешься опять, покачиваясь в паланкине,
Свершив на грудь мою набег и превратив ее в пустыню.

Тоскуя, сердце мчится вслед, и виснет на верблюжьей шее,
И колокольчиком звенит, стеня: «О, будь ко мне добрее!»

У ног верблюда пес и я. Он огрызается со злостью,
Когда глодаю вместе с ним тобою брошенные кости.

Погонщик, чаще паланкин снимай, не то слезами буду
Так землю орошать, что ног не смогут вытащить верблюды.

Как сердцу было не пойти за той, по ком оно рыдает,
Той, что поводья у меня единым взглядом вырывает?

Вздымает пыль ее верблюд. О слезы скорби одинокой,
Смочите пыль, чтоб не смогла осесть на лик моей жестокой!

А ты, о ветер, к ней лети и в смертный час меня порадуй:
Хочу, чтоб мой предсмертный вздох овеял стан ее
прохладой.

Хосров под бременем тоски бредет, качаясь, точно пьяный,
Но, чуть качнется паланкин, спешит вдогонку каравану.

138

Отчего уста смеются, если плача не слыхала?
Отчего взметнулись кудри, если сердце не вздыхало?

Тело ты изрешетила. Извлекать не стану стрелы.
Отчего пронзили душу, коль впивались жалом в тело?

Смолкло сердце то, что сердцу прежде вторило созвучно.
Отчего теперь чужие, если были неразлучны?

Ты моя свеча желанья, хоть тебя не видит око.
Отчего сожжен свечою, коль свеча моя далеко?

Я во сне ищу губами лик, подобный сновиденью.
Отчего же сны смешались, стали сумеречной тенью?

Я, увы, невольник сердца, но не в тягость мне оковы.
Отчего, как наважденье, ты находишь на Хосрова?

139

Я старой болью болен вновь, жестокий рок возжаждал крови,
Опять вонзил в меня печаль, опять изранил грудь любовью.

И ты явилась, о свеча, что возжигают пред богами,
И опалило мотылька * твое божественное пламя.

В преддверье смерти я решил тебе поведать боль и стоны.
Ты мне внимала, но глаза смотрели чуждо, отрешенно.

Кудрями сердце отняла, о похититель и убийца!
Я видел кровь на них, и все ж тобою вновь желал упиться.

Ты рассмеялась, увидав, как я изранен. На колени
Я пал, ликуя, точно мне простил создатель прегрешенья.

Но покидала грудь душа. Ты упрекнула: «Мне казалось,
Воскреснешь, если я приду». И, устыдясь, душа осталась.

А ты метнула в душу взор, и я воскликнул: «У Хосрова
Ты отнимаешь душу вновь и наделяешь взором новой!»

Когда очнулся, за стеной ночная стража простучала.
«На помощь! — в страхе закричал.— Все начинается сначала!»

Увы, Хосров, ты так ослаб, что крика слабого не слышно.
Беззвучно рутою * горю. За что караешь, о всевышний?!

140

Зачем, о сердце, ты влечешь к унесшей тысячи сердец,
Влечешь туда, где мне любовь готовит гибельный конец?

Тебя забвенью ни на миг, мучитель мой, не предаю.
Зачем забвение даришь в ответ на преданность мою?

Молю, зефиру * запрети касаться локонов твоих:
К ногам прохожих бросит он благоуханный мускус их.

Покинув дом, на пир весны спеши, о роза, из ворот!
Под кровлей розы не цветут, шатер у розы — небосвод.

Упреков, сердце, не страшись, не поминай упреком рок!
Когда влюбленного хулят — звучит усладою упрек.

Страшись на гурию * взглянуть, гнездо свивать в ее кудрях.
Остерегись! Познав любовь, познаешь, что такое страх.

О свет очей моих, приди, яви Хосрову лунный лик,
Моей измученной души услышь подобный стону крик!

141

Ласкаясь, локоны твои целует легкий ветерок.
Бездушный камень красотой они пленили б, мой божок!

Уже не спишь, но в полусне еще хмельны нарциссы * глаз,
И сердце молится тебе, забыв про утренний намаз *.

Улыбка юности твоей обворожительно-робка,
Но на поверженных тобой ты скоро глянешь свысока.

В устах молвы твоя краса, как в зеркалах, отражена.
О ней твердит подлунный мир, и ей завидует луна.

Взгляни, поблекшую траву осенний ветер гнет в дугу.
Весенним ветром стал бы он, тебя увидев на лугу.

Не прячь пробившийся пушок, еще не колкий, не густой.
Пусть усладит мои глаза нетронутою красотой!

О, пусть оплошность совершит в минуту нашей встречи рок,
Чтоб клятвы ложные твои блаженной правдой сделать мог!

Твердят: «Забудь печаль, Хосров! Ужель себя тебе не жаль?»
Предался б радостям Хосров, коль мог бы выплеснуть печаль.

142

Настала ночь, и та свеча, из-за которой дни постылы,
Зажглась и каждый уголок в печальном сердце осветила.

И сонмы душ упали ниц, и при ее манящем свете
Взывают жалобно: «Подай!» — как толпы нищих у мечети.

Я плачу. Верно, потому, что должен року покориться.
Увы, я — нищий, а она — жестокосердая царица.

Ревную к зеркалу: оно в свои объятья заключает
Ту, в чьем сияющем лице само, как в зеркале, сияет.

Почтенный суфий *, мой муршид *, ей поклонился, как святыне,
И каждый волосок взывал из власяницы к той богине.

А я, перо макая в кровь, запечатлел стократно в слове
Тот образ дивной красоты, поющий издавна в Хосрове.

143

Увы, минули времена блаженства сладостных свиданий,
Когда неверной высоко ценился мой товар страданий.

И сад, где я встречался с ней, не омраченный даже тучкой,
Теперь, мне кажется, зарос чертополохом и колючкой.

Гляжу в себя и не могу воспоминаньям не дивиться.
О боже, некогда и я порхал в саду беспечной птицей!

И если пил тогда вино, не замышлял тайком дурного.
Желал я только, чтоб сильней пылал огонь в груди Хосрова.

Слезами сердца я омыл вчера глаза, но разум в это
Не посвятил. Ему ль понять печаль влюбленного поэта?

Но если вслед за ним глаза врагами станут — будут правы.
Ведь источали сколько раз в тоске и скорби дождь кровавый!

И ты не спрашивай меня, о виночерпий, что со мною.
Я опьянен, но не тобой, а солнцеликою иною.

Пусть меч на голову падет, о голове не пожалею.
Я лишь за то ее люблю, что красоты касался ею.

В ночи скитальцем я бродил и боль свою поведал стражу.
Нет, он меня не задержал, со мною слезы пролил даже.

О, не кляни судьбу, Хосров, и справедливости не требуй!
Для трезвых разумом людей лишь во хмелю доступно небо.

144

Вчера пришла ко мне в ночи, и лик, луною озаренный,
Средь ночи вьющихся кудрей мне улыбнулся благосклонно.

И я поэму о любви прочел в ее бровях, как будто
Я пред михрабом * прочитал хвалу Юсуфу * в ту минуту.

Пред ней склонился до земли, и счастье трепета изведал,
И набегающим слезам с трудом с ресниц скатиться не дал.

Благодарю, творец, за то, что дал увидеть ей, лукавой,
Как бледен я, как на лице от слез алеет след кровавый.

Тянулся я к ее устам в надежде на живую воду,
Считая, это дух святой, ко мне сошедший с небосвода.

Увы, Хосров, из ночи в ночь ты грезишь, не смыкая очи,
И это был волшебный сон, к тебе пришедший прошлой ночью.

145

Вновь соловьи в садах поют хвалу весне под звуки ная *
И розоликие средь роз резвятся гуриями * рая.

Но с розоликой лишь одной душа, ревнуя, жаждет слиться.
От вздохов огненных моих испепелиться могут птицы.

Так слезы льются в три ручья и так мои печальны стоны,
Что рвут одежды на себе еще зеленые бутоны.

И сад, мне кажется, не сад, а мертвый край сраженных ею,
Чей прах взывает страстью роз к просвету неба над аллеей.

О боже, сделай красоту той розоликой совершенней,
Не то сраженные сердца найти не смогут исцеленья!

На пир ее красы несут безумцы верность, но на вертел
Она сажает их сердца и предает на углях смерти.

Увы, влюбленным не понять своей возлюбленной вовеки.
Они приходят в Туркестан, когда достичь желают Мекки *.

Утешься призраком, Хосров, виденьем уст, миражем стана
И наслаждайся, точно ты и впрямь в твоем саду с желанной.

146

Ушла, но локоны твои узор в душе запечатлели.
Ушла, но вижу образ твой, и сон бежит моей постели.

Внемли рассказу моему о сердце, что когда-то было,
Что из обители твоей вернуть влюбленному забыла.

Ступаешь гордо мимо тех, чье сердце унесла, и следом
Несется плач. Но что тебе? Жестокосердым плач неведом.

Я у порога твоего всю ночь бродил, забыв усталость.
Вернулось тело, а душа у двери запертой осталась,

Чтоб целовать твои следы, мести ресницами ступени,
Чтоб на михраб * твоих бровей молиться, преклонив колени.

Пускай вернется, но язык, что смел тебя коснуться бранью,
Среди хулителей твоих пусть остается в наказанье.

Не спорю, верно говорят: «Хосров, не лучше ль жить
беспечно?»
Могу ли, если обречен твой лунный лик не видеть вечно?

147

Прошла!.. И вслед ушла душа,
И я застыл, едва дыша,

Украдкой глядя, точно вор,
Что на чужой косится двор.

Хватился сердца — сердца нет.
Как обруч, покатилось вслед.

Вскричал: «О равная весне,
Скажи, вернешь ли сердце мне?»

Расхохоталась, и в устах
Сверкнули перлы. О Аллах!

В ночи казалось мне — умру,
Коль не увижу поутру.

И все ж печаль была светла:
Ведь ты во сне ко мне пришла.

Я понял: в дни творенья рок
Мою любовь к тебе предрек.

Предрек тогда ж Хосрову он:
Тобою буду умерщвлен.

148

Хочу тобой пьянеть! Взгляни, трава проклюнувшая всходит,
Напоминая тот пушок, что грудь в волнение приводит.

А брови тонкие твои с луной новорожденной схожи.
Моя душа ушла к тебе, и сердце вслед за нею тоже.

Столь дивной не было красы с времен предвечности вовеки,
С тех пор, как воплотил творец ее набросок в человеке.

Вчера предутренний зефир * твой аромат принес как милость,
И слезы радости моей к тебе потоком устремились.

Не поучай меня, ханжа, благочестивый только с виду.
Безумца ты не соблазнишь ни саном шейха *, ни мюрида *.

Пускай соперники мечи и копья держат наготове,
Я не расстанусь со своей неразделенною любовью.

Мои друзья твердят: «Хосров, такая верность — род недуга».
Но с каждым вдохом обретать нельзя же новую подругу!

149

Твои глаза пьяным-пьяны, от их кокетства сердце в ранах.
О диво, заняты игрой вблизи михраба * двое пьяных!

Ловлю зрачками в полутьме игру лица при лунном свете.
Так с лунным бликом на стене играют маленькие дети.

Будь к сердцу глупому добра, не удуши его кудрями.
Поверь, оно не рвется прочь, а лишь играет завитками.

Когда не вижу я тебя, мои глаза печали полны.
Я погружаюсь в море слез, и мной, резвясь, играют волны.

Однажды видел странный сон: как будто я с тобой играю,
И понял вдруг — играешь мной. А может, сон играл, не знаю.

Не раз обманут был Хосров, и все ж доверчив, как ребенок.
Считай, наивно с мясником играет связанный ягненок.

150

Гордо проходит, и этим сживает безумца со света.
Вижу соперника подле нее, убивает и это.

Жажду хотя бы единого взгляда, она ж расточает
Взгляды, дарящие вечную жизнь, а меня убивает.

К близким друзьям обращаюсь: «Как быть с неотступной любовью,
Коль убивает надежду на близость надменной злословье?»

Взглядом подарит — и сердце мое убивает печалью.
«Я-то при чем? — говорит.— Ведь живые всегда умирали!»

Сердце, зачем исцеления ищешь в устах, как в бальзаме?
Жестокосердая сердце шутя убивает устами.

Плачу тайком от людей, не найдя у молвы правосудья.
Слезы меня убивают, однако, вернее, чем люди.

Не распускай, о любимая, нити волос, бога ради!
Сонмы тобою удушенных скрыты под каждою прядью.

Тысячи тысяч невинных кокетством в силки завлекаешь,
Тех же, что рвутся из плена, цепями кудрей удушаешь.

Что убиваться Хосрову о сердце, сраженном любовью,
Коль убивает мгновенно жестокая сердце любого?

151

О, сколько дней ушло в небытие, но аромата верности не чую.
Не прилетает ветер от тебя, в других краях, наверное, кочуя.

По швам одежда жизни разошлась, распоротая лезвием
страданья.
Рука моей надежды не смогла преодолеть преграды
расстоянья.

В пустыне страсти я изведал зной, неутоленной жаждою
томимый,
И жизни круг замкнулся, но влечет и в смертный час
безумного к любимой.

Еще взирают дерзкие глаза на лунный лик, дарящий
наслажденье,
Еще мечтают робкие уста коснуться ног в безмолвном
упоенье,

И верится, что душу мне вернешь, откроешь безутешному
объятья...
О, лучше б сразу муки оборвал кинжал судьбы, которой
шлю проклятья!

Позволь возлечь хотя б на твой порог. Молю, для тела
сделай эту милость!
Ты умертвила холодом его, но от любви оно не исцелилось.

Всем уделила ты улыбку, взор, от красоты твоей хотя бы
малость,
И лишь моей протянутой руке, как ни молил, крупицы
не досталось.

И все ж да будет сад красы твоей еще благоуханней
и нарядней,
Хотя Хосрову даже лепесток с его цветов достанется
навряд ли!

152

В том, что терзаюсь в ночи, гурия *, ты виновата.
В пламени вздохов моих небо кровавей заката.

Сердце рыдает в груди, бьется подбитою птицей.
Болью бессонных ночей не с кем, увы, поделиться.

Жаждой томимый горю. Где же целебная влага?
Воду живую пролей как высочайшее благо!

Благочестивый, страшись храма ее лицемерья!
В этой кумирне царит бедствие сердцу и вере.

В полночь бродила она. Месяц вскричал в изумленье:
«Что это? Там, на земле, бродит само искушенье!»

Слышу ее аромат в утреннем хмеле зефира *.
Дерзкий коснуться посмел лика владычицы мира!

Каждый, кому повезло стать приближенным светила,
Черпает в блеске его гордость, весомость и силу.

Если Хосрову она скажет: «Умри, о влюбленный!»,
Слово владыки — закон, не воспротивлюсь закону.

153

О, как жестока она! Мимо прошла, но успела
Стрелами взора пронзить душу, и сердце, и тело.

Сколько надменности в ней, в этой хотанской тюрчанке *,
В гордом изломе бровей, поступи, жестах, осанке!

Перлами слов осыпал, слушать безумца не хочет.
Вновь унижает меня, вновь надо мною хохочет.

Хмель, искушение, грех от лицемерной исходят.
Смерть насылает она, духами зла верховодит.

В мумию я превращен кознями этой богини,
Но ароматом любви саван пропитан поныне.

Только единственный раз мне улыбнулась. О боже,
Этот пленительный миг прожитой жизни дороже!

Слово твое, о Хосров, родственно чем-то Хасану *.
Не потому ли оно сладостно-благоуханно?

154

Дождусь ли вновь тебя, о лунное сиянье?
Ушла, не подарив надежды на свиданье.

Унесшую покой, должно быть, не увижу
До Страшного суда. О Судный день, гряди же!

Повей, о ветерок, и мне с ее порога
Пылинку принеси! Утешь хотя б немного.

Взгляни, мой кипарис* один иль кто-то с нею?
Слетай в ее цветник и возвратись быстрее!

Увы, подобно ей, и ты в далеком крае,
И ты меня забыл. Вернешься ли, не знаю.

Но знаю, что она не возвратится снова.
Осталось лишь взывать к всевышнему Хосрову.

155

О любимая, вино у тебя всегда водилось.
Принеси из погребка, окажи такую милость!

Выпью только для того, чтоб взбодриться, не хмелея.
Все равно от черных кос неизбежно опьянею.

Я сгораю от любви. Подними со мною чашу!
Пеплом сердца моего я букет вина украшу.

Умоляя снизойти, унижаться я не стану.
Унижение ведет к надушенному кафтану.

Сердце выкрала мое колдовским коварством взгляда,
Но упрекам в колдовстве свет очей твоих преграда.

Угнетенного тобой хоть сегодня ты не мучай,
Счета пережитых мук берегись на всякий случай!

О любимая моя, на Хосрова не посетуй,
Коль отважится привлечь столь жестокую к ответу.

156

Коль счастье близости с тобой осуществил бы рок,
Могли бы стать мои стихи сокровищницей строк.

Вчера я думал: может быть, привидишься во сне,
Но от проснувшейся тоски, увы, не спалось мне.

Я о разлуке сел писать, но дрогнула рука.
Мне показалось, что скорблю не годы, а века.

О, сколько раз гасил свечу, чтоб слиться с темнотой,
Но тотчас ложе озарял сияньем образ твой.

Пытался разумом постичь, чем я не угодил,
Любовь являлась и, пьяня, лишала разум сил.

И снова я писал стихи, к его сужденьям глух,
Но только именем твоим ласкали строки слух.

157

Того, кто честь из-за любви пустил по ветру дымом,
Считают трезвые умы безумным, одержимым.

Но как безумцу, чей удел, по-моему, завиден,
Скрывать огонь любви, коль он и днем, при солнце виден?

О стан, смутивший кипарис *! Клянусь своею честью,
От изумленья он застыл как вкопанный на месте.

О ароматные уста, два крохотных рубина!
Я разглядел вас. Так прозрел Якуб *, учуяв сына.

Зачем коснулся ты, зефир *, кудрей моей любимой?
Отныне в цепи завитков закован одержимый.

О виночерпий, я вина сегодня пить не буду.
О том, что я любовью пьян, уже толкуют всюду.

Не ты ль, метнув пьянящий взор, Хосрова сердце сжала?
Оно сжималось, а потом, увы, его не стало.

158

Не унывай! Не дарит жизнь всегда одно и то же.
То мучит гурия * тебя, то разделяет ложе.

Живу отшельником, и нет надежды на свиданье,
И зноен ветер в цветнике от моего дыханья.

О свет очей, не удивлюсь, узнав, что долетели
Мои стенанья до тебя в рыдающей газели *.

Любой из смертных душу рад, поверь, скажу без лести,
Тебе, о роза, бросить в дар, как золото невесте.

Позволь коснуться завитков, столь полных аромата,
Где, как в тенетах, жизнь моя запуталась когда-то.

Коль их распутать не смогу, найти на них управу,
Сто тысяч строк тогда сложу терпению во славу!

159

Сижу в кругу моих гостей и молча слушаю рассказ
Тобой обугленных сердец, поныне льющих слезы глаз.

О красота твоя! Сперва она воспламеняет взор,
Затем иссохшие сердца и сами всходят на костер.

А ты, на угли поглядев, бросаешь: «Кто они?» Считай,
Что правоверных свел кумир при жизни в ад с дороги в рай.

Едва ступаешь за порог, едва взмахнешь крылами вежд,
Как тотчас рвут безумцы край своих заплаканных одежд.

Я певчей птицей заточен в твоем саду, и почему
Так легкомысленно сады меняют птицы, не пойму.

О, как волнуешь сердце мне, походкой плавною пьяня!
Но что бездушной до того, что нет покоя у меня?

Немало слез в огонь любви ты пролил, о Хосров! И что ж?
В геенне огненной, увы, слезами пламя не зальешь.

160

Благоуханье роз безумствует опять,
Рассудку вопреки помчалось время вспять.

Я вновь любовью пьян от плача соловья.
Брожу по цветнику, но где душа моя?

Открыла роза лик и вспыхнула огнем.
О соловей, зачем себя сжигаешь в нем?

Не чашу ли тюльпан с глотком вина на дне,
Как будто на пиру, протягивает мне?

Гордится гиацинт прической своей,
Напоминая мне красу твоих кудрей.

Разумное во мне сожгла любовь дотла.
Могло ль иначе быть, коль ты с ума свела?

Мне душу не вернуть в обитель тела вновь,
Коль душу избрала обителью любовь.

Я о Ширин * и впрямь преданьем восхищен:
Фархаду * небом был дарован вечный сон.

Тебе же, о Хосров, дана в удел тоска.
Не всех равно дарит всевышнего рука!

161

Зухра * небесный чанг * настраивает снова
И до утра играть пирующим готова.

Пришел конец посту. Вино зовет в руины,
Где вновь для риндов * маг * откупорил кувшины.

Они таят на дне Исусово дыханье *.
Возжаждала душа его благоуханья.

Пришел — и спал покров с улыбки розы юной,
И пролил соловей рыдание на струны.

Я кубок в руки взял и неземное благо
Пригубил за столом на пиршестве у мага.

В пещерной полутьме с души запреты спали,
И почести вину отшельники воздали.

А роза подошла к Хосрову, села рядом,
И он постиг, что рай, возможно, создан взглядом.

162

Снова сердце в плену, снова боль непрестанна,
Вновь открылись мои незажившие раны.

Даже зеркалу ты предстаешь как виденье.
Истый облик — во мне, там — его отраженье.

Я сегодня живу отголоском былого.
Только встречи с тобой воскрешают Хосрова.

Но случайны они. Жить уже не под силу.
Ты покой отняла, благочестья лишила.

И улыбка твоя ранам — пригоршня соли.
Нет печали конца, нет бальзама от боли.

Утешаюсь одним: я чего-нибудь стою,
Коль охотишься ты за моею душою.

163

В вечерних сумерках пойду к моей любимой, чтобы чашу
Поднять во славу красоты, которой нет на свете краше.

Прошедшей ночью до утра я предавался благочестью,
Предамся в эту ночь вину с моей возлюбленною вместе.

Все разрешенным я сочту: и хмель вина, и хмель объятий,
Сниму с запретного запрет, упьюсь греховной благодатью.

К ногам кумира я паду и повяжу себя зуннаром *,
Владыкой мира стану я, подвластным лишь любовным чарам.

Что все предначертанья мне, провозглашенные в исламе,
Коль любоваться стану я моей возлюбленной чертами?

Того ж, кто вздумает меня вернуть на путь, ведущий к богу,
Сегодня я сочту врагом, что преграждает мне дорогу.

Открой, любимая, лицо, что лика алых роз прелестней,
Чтоб стоны так рассыпал я, как соловей рассветной песней!

Я слышу, рок меня зовет. Быть может, я умру до срока.
О, поцелуй меня хоть раз, и да свершится воля рока!

164

Вчера явилась та, по ком душа рыдала,
И плодоносной ветвь моих желаний стала.

В поникшую листву влила улыбкой силы,
И мой осенний сад нежданно воскресила.

И стало вдруг светло в забывшей свет лачуге,
Когда сверкнул в двери, как солнце, лик подруги.

О ноги, что меня топтали вместе с пылью,
Как счастлив я, что вы порог переступили!

Пригубила вино, сказав: «За трезвый разум!»
Я тотчас потерял и ум и сердце разом.

Ты гибнешь, о Хосров! Но в час богоявленья
Умерший от любви не стоит сожаленья.

165

Оружие красавиц — кокетливая спесь,
Но лишь тогда сражает, когда ценитель есть.

Понятия имеют изменчивую суть.
Хиджазская дорога * влюбленным — близкий путь.

Вино любви не ставят влюбленному в вину,
Хоть в тяжкий грех вменяют пристрастие к вину.

О украшенье пира, пускай умолкнет саз *!
Чтоб сердце сжечь любовью, вполне довольно глаз.

Сравнялся раб с Махмудом *. Ничто для страсти сан.
В любви Аяз * — владыка и раб любви — султан.

Над жалким нищим шаху глумиться не к лицу.
Что радости в тенетах увидеть мышь ловцу?

Тому, кто от любимой не ступит и на шаг,
Покорность ей превыше земных и райских благ.

Уносит благосклонность наивные сердца
И разума лишает порою мудреца.

И все ж очам красавиц признаться я готов,
Что не отыщут лучшей мишени, чем Хосров.

166

Коль чашу вина поднесешь с губительной
примесью яда,
Бестрепетно выпью ее. Отрава влюбленным — отрада.

Я душу отдам за тебя, хоть душу терзаешь и точишь.
Ни слова не сходит с пера, покуда перо не отточишь.

Обрадуюсь, коль у меня отнимешь последние силы.
Срази, но признайся, что ты мечом угнетенья сразила!

Да будет дозволена кровь! Убийство свершится по праву.
Что проку красавиц винить? На них ни суда, ни управы.

Не смейся над тем, что идет нетвердой походкой
влюбленный.
Надежно держась на ногах, не может идти опьяненный.

Влюбленный в твою красоту — слепец, обделенный судьбою,
Коль образ божественный твой не видит всегда пред собою.

Твердят, не пьянила 6 любовь, не будь луноликих
на свете.
Что ж, кубок Джамшида * за хмель пред риндами * тоже
в ответе!

О ветер, ты всюду бывал, ничто для тебя расстоянья.
Поведай, найдется ли край, где не было б мук и страданий?

С влюбленными ты, о Хосров, вступил в состязанье, однако
Едва ль на ристалище львов достойный соперник собака.

167

О, как тебя ревную, лишившую покоя,
Коль вижу, что соперник любуется тобою!

О смерти, как о благе, молю в немолчных стонах,
Когда идешь со свитой безмолвных душ влюбленных.

Безумны упованья на ласковость царицы.
Смешон влюбленный голубь, зовущий соколицу.

Уж в море слез иду я ко дну, изнемогая.
Подай страдальцу руку! Ты видишь — утопаю.

Смежил глаза, явилась к измученному страстью.
Судьбою обделенный закрыл ворота счастью!

Я полутруп у края безвременной могилы:
И ты меня не помнишь, и смерть меня забыла.

В любви достигший ложа напрасно полагает,
Что истинной любовью его душа пылает.

В твой лик, подобный розе, я так влюблен безмерно,
Что розами посмертно произрасту, наверно.

Увы, Ширин* сказала: «Верна любовь Фархада*,
А искренность Хосрова* еще проверить надо».

168

Разумный от стяжанья благ бежит в покой смиренья,
И знает только он один причину отрешенья.

Ему чужда мирских утех бессмысленная сладость,
Предпочитает черпать он в уединенье радость.

Завесу смысла бытия и тайны мирозданья
Лишь отрешенный разорвать усердьем в состоянье.

В конце пути находит он вознагражденье в боге.
В ком рвенья истинного нет, проходит полдороги.

Зачатки крыльев есть в яйце. Нужны еще усилья,
Чтоб разум в горние сады поднять сумели крылья.

По всех ничтожней из живых пасущийся беспечно,
Забывший, что земная жизнь отнюдь не бесконечна.

Кто́ в этом мире не торит пути к творцу прилежно,
Как и торящий, в мир иной уходит неизбежно.

Но первый, ради благ земных растратив ум и силы,
Взамен посмертно обретет не более могилы.

Хосров, умолкни, не злословь! Увы, разверсты уши
И для негромких слов у тех, кто продал благам душу!

169

От суеты сует бежит воистину влюбленный,
Стрелою гнета твоего незримо пораженный.

Твой томный взор пьянит сердца, и во хмелю экстаза
Благочестивый четки рвет и коврик для намаза *.

Но есть такие, что твоей жестокости страшатся.
Коль бросить камень в диких птиц, с испугу разлетятся.

Свой лик яви, открыв мольбам и тяжким стонам уши,
Его красою исцели израненные души.

Те, кто воистину тебя всем сердцем возлюбили,
Впадают в грех, лишив себя прохлады Сальсабиля *.

Метут власами твой порог усердные в моленьях
Так чисто, что ни сора нет, ни пыли на ступенях.

Прости слепых, что шлют твоим поклонникам укоры.
Ведь не дано твою красу узреть слепому взору.

Хосров, пусть каждая газель * влюбленных жжет отныне
Тем страстным пламенем, каким пылал Меджнун * в пустыне.

170

Пойми, моя душа покинет вскоре тело...
Вечерняя заря печально догорела.

Какой же будет ночь, коль день казался ночью?
Во тьме мою луну увижу ли воочью?

О, дай коснуться ног иссохшими губами
И в сердце воскреси полуживое пламя!

Коль нет со мной тебя, душе не до веселья,
А плачущей душе не удержаться в теле.

С рождения, Хосров, судьба тебя щадила,
Теперь дала урок в преддверии могилы.

171

Станьте, пьющие со мной, путеводной нитью
И сошедшего с тропы на тропу верните.

Разбросайте пепел мой на пути к любимой,
Чтобы сбиться я не мог с той тропы незримой.

С корнем вырвите траву у моей могилы,
Коль не будет источать аромата милой.

Вожделея встречи с ней, рвете вы одежды,
У меня же в ранах грудь, кровь смочила вежды.

Лик возлюбленной моей, знайте, столь красивый,
Что пред ним падет во прах и благочестивый.

Лишь одна любовь дана смертному навеки.
Ведь всего одна душа в каждом человеке.

Сердце страстью сжег Хосров. О, не утешайте!
Те сердца, где нет огня, пламени предайте.

172

Знай, что стану одержимым, но хулить любовь не буду,
Даже если о позоре я услышу пересуды.

О пьянящая! Явилась! Лишь на миг сошлись дороги,
Но домой меня, хмельного, отведут чужие ноги.

О любви приятно слушать хвастовство самовлюбленных,
Я же хвастаюсь любовью в горьких жалобах и стонах.

То соперник ранит сердце так, что тайных слез не скрою,
То за строчку от любимой рад платить своей душою.

О красавица! Воскликнул, увидав тебя, святоша:
«Ради этого михраба * я михраб мечети брошу!»

Гребнем стану, чтоб коснуться ароматных кос желанной.
Чтоб с ее устами слиться, краем винной чаши стану.

Если сжечь меня захочет, стану рутою * от сглаза,
Мотыльком * сгорю, который от любви теряет разум.

У виска ее, о ветер, прядь не трогай, бога ради!
Я с ума сойду, навеки окольцован этой прядью.

О жестокая! На сердце больше места нет живого.
Осчастливь благодеяньем — порази мечом Хосрова!

173

О владычица красавиц, лик яви очам влюбленных!
Победив, зачем жестоко истязаешь побежденных?

Ты якубов * ослепила и на рынках всей вселенной
Красотою мимоходом на юсуфов * сбила цену.

Пожелала видеть сердце окровавленным, и что же?
Сердце кровью истекает. О, прости жестокой, боже!

Кто предскажет расстоянье от рожденья до могилы?
Счастлив тот, кого копытом своего коня убила.

Грудь разверзла. Сердце, душу — все твои глаза изъяли.
Но, с любовью не расставшись, отдохну ли от печали?

Не брани, благочестивый! Коль сияет лик прекрасный,
Кривотолки о влюбленных и проклятия напрасны.

Стоит сердцу возгореться, как душа уходит сразу.
Так мелодия, возникнув, покидает струны саза *.

Пусть острей кирки Фархада * будут праведных укоры,
Что Хосрову? Он киркою для любимой сдвинет горы.

174

Все слова твои — намеки, но они красноречивы.
Душу взором похищаешь. Разве взор такой не диво?

Повелишь, и я во прахе преклоню, как раб, колени,
Покорясь волшебным чарам. Разве это повеленье?

Предала меня печали, но раскаянья не вижу.
Отчего, скажи, далека? Разве кто-то сердцу ближе?

Красота твоя ценнее всех сокровищ Сулаймана *.
Подари хотя бы перстень. Разве я ценить не стану?

Говоришь, что мусульманка. О лукавое жеманство!
Вьются кос твоих зуннары *. Разве это мусульманство?

Много раз Хосров у двери умолял: «Впусти скитальца!»
И за дерзость был наказан. Разве ты поймешь страдальца?

175

По ночам душа во власти той красавицы жестокой,
Что шипами устилает шелк постели одинокой.

О жестокая! Должно быть, наслаждаясь этой властью,
Ты добить решила сердце, изнемогшее от страсти.

Снизойдешь до жалкой дичи, лук натягивать не надо:
Умереть сочту за счастье от единственного взгляда.

Не могу себе представить без мучительного стона,
Что твое лицо доступно ласке ветра-ветрогона.

Сколько раз пронзаешь сердце, столько раз любовь из раны
Прорастает алой розой, словно ты, благоуханной.

Разреши с жестокой кубок разделить душе, о боже!
Я — проситель у порога, а душа к жестокой вхожа.

Ни к чему нравоученья опьяненному любовью.
Коль взялся за дело кравчий, ум хмелеет у любого.

Уж давно мои газели * мир тревожат скорбным стоном.
Удалюсь в руины к магам *, винной чашей опьяненным.

И печалиться не стану. Что Хосрову пересуды?
Ведь влюбленные скитальцы бродят толпами повсюду.

176

Опьяненные жестокой бродят у ее порога.
О творец, могу ли слезы осушить хотя б немного?!

Обо мне она забыла. Что ей слезы? Только влага.
Не придет на ум султану вспомнить нищего бродягу.

Ухожу в пустыню. Ворон кружит, легок на помине.
Мнится, точит клювом сердце и в крови песок пустыни.

Мнится, склонится — о радость! — над ручьем твое виденье,
Станет он живой водою и воскреснет отраженье.

Так подобным розе ликом извести меня сумела,
Что теперь и запах розы клонит немощное тело.

Я воспрянул бы, когда бы мог хоть раз тобой упиться.
Не бросай игривых взоров! Ведь они — мои убийцы.

Дни мои черны. Рыдаю, рву от горя ворот в клочья.
Дым пылающего сердца застилает месяц ночью.

Может быть, в толпе влюбленных, что вокруг тебя теснятся,
Затеряться и Хосрову, чтоб с влюбленными сравняться.

177

Седьмое небо * в ярких звездах. Когда бы ты во тьме ночной
Явила им твое сиянье, тебя признали бы луной.

Для убиения влюбленных твой образ небом сотворен.
Коварный образ! Обольщает и тотчас исчезает он.

О роза, возгордясь красою, не забывай: не долог век.
У кипариса долговечней непритязательный побег.

Кто умолить сумеет душу: «Уйти из тела не спеши!»,
Когда она к тебе стремится, а ты кружишь вокруг души?

Хоть согнут бременем печали, молчу о горестной судьбе.
Я не хочу, чтоб это бремя легло на сердце и тебе.

Коришь: «Не выставляй слезами, случайно встретив, на позор!»
Что делать, слезы застилают, меня не спрашивая, взор.

О, подари небесным взором! Пускай сверкнет, как луч во мгле.
И воскресит, покуда тело еще не предано земле.

Влюбленный жаждет обладанья. Хосров и толкам будет рад.
Пускай его подозревают, пускай его оговорят.

Но посчастливится ль увидеть луну с улыбкой на устах?
Должно быть, только коль прикажет облагодетельствовать шах.

178

Протяни, о кравчий, чашу, золотую, цвета меда,
Той подобную, что кружит виночерпий небосвода *.

И пускай, хмелея, разум не впадает в суесловье,
Мне нашептывая, будто не враждует он с любовью.

Овладев бесценным кладом, не с ума ли сходит нищий,
Сна не знающий на ложе, забывающий о пище?

Коль во тьме свеча нарушит тайну нашего свиданья,
Мотылек *, отрежь нескромной язычок, прошу заране.

Пусть теперь возьмут в осаду харабат * войска султана,
Что печалиться? Ведь путник перешагивает страны.

Коль Хосров лишится жизни, по всевышнему тоскуя,
Неуместно сожаленье. Обретет взамен иную.

•

179

Пьянеют от вина, а я куда сильнее,
Любимая моя, от глаз твоих пьянею.

О сердце, не стенай! На собственном огне
Безмолвно жечь тебя куда приятней мне

И молча поверять в бессоннице разлуки
Виденью красоты мою печаль и муки.

«Что надобно тебе?» — видение спросил.
«Цветок любви растет,— сказало,— из могил».

Не по твоей вине душа огнем объята.
В сожженье мотылька * свеча не виновата.

Над верхнею губой так нежен твой пушок,
Что, глядя на него, от страсти изнемог.

По родинке твоей моя душа томится.
И зернышко одно порою губит птицу.

Молю тебя, не мучь Хосрова без конца!
Взгляни, измучен так, что нет на нем лица.

180

О правоверные, влюблен! Душа и сердце, где вы?
Они покинули меня при виде райской девы.

Я оба мира * в ней обрел, плененный красотою,
И восхищенья своего, о гурия *, не скрою.

Хвала ваятелю-творцу, что создал в миг единый
Столь дивный облик из воды, соединенной с глиной *!

Коль солнце явится на пир и сядет с нею рядом,
Она сияние его затмит лучистым взглядом.

Так сердцу по сердцу в плену ее кудрей томиться,
Что нет желанья у него из плена возвратиться.

О праведник, не упрекай! Тебе ль постичь страданья
Того, кто жаждет на земле небесного свиданья?

Нет больше сил переносить печаль и боль разлуки.
Увы, влюблённые всегда обречены на муки.

Хосров, безумие любви тебя сживет со света,
Но что сведенному с ума его ума советы?!

181

Вынув сердце, о тоска, ты в моей груди осталась,
Но тогда хотя б яви к телу немощному жалость.

Муки — отсвет красоты. Если луч ее сиянья
Непароком ослепит — неизбежен мрак страданья.

Горек мед коварных уст. Плачет в жажде новой встречи
Тот, кого они хоть раз отравили сладкой речью.

Много стонущих сердец услаждают слух любимой.
Если стонам не вняла, как она неуязвима!

Гибну. Стоит ли взывать к всемогущему? Едва ли.
Ведь молитвы никому срок земной не продлевали.

О жестокая! Манит, чтоб терзать печалью снова.
Лишь по милости творца медлит смерть добить Хосрова.

182

Меня околдовавшая луна
Жестокосерда, не верна. Как быть?

Взываю к ней, она не слышит крик.
Что вопли нищих для владык? Как быть?

Несовместима верность с красотой.
Неверной клятвы — звук пустой. Как быть?

«Приду к тебе!» — смеясь, дает обет.
Напрасно жду, коварной нет. Как быть?

В моей груди свила гнездо печаль.
Красавице меня не жаль. Как быть?

Где мне управу на нее найти?
Меня решила извести. Как быть?

Творя в сердцах разбой средь бела дня,
Шутя ограбила меня. Как быть?

Украдкой сердце унесла мое.
Оно поныне у нее. Как быть?

В ее руках твоя, Хосров, судьба.
Увы, таков удел раба. Как быть?

183

О свеча моя! Когда зажигает небо свечи,
Ищут, словно мотыльки *, сонмы душ с тобою встречи.

В белых сари из простынь, с привидениями схожи,
Вижу, мчатся в темноте, второпях покинув ложе.

А мальчишки норовят в пробегающего мимо
Острым камнем запустить с громким криком: «Одержимый!»

Горе мне! Из-за тебя от любви изнемогаю.
Ты проходишь, не взглянув, ты по-прежнему чужая.

Все надеюсь, что вольешь в мой арык живую воду.
Зерна, брошенные мной, без нее дадут ли всходы?

Отпусти, молю, раба! Если вольную украсит
Росчерк подписи твоей — жизнь мою обезопасит.

Впрочем, что Хосрову смерть? Коль расстанется с душою,
Он расстанется с врагом, подстрекаемым тобою.

184

То сердце, что в кудрях не хочет гребнем стать,
Не примет никогда любовь за благодать.

Возжаждавший тебя, поверь, самовлюблен,
Коль на пути любви шипов страшится он.

Бессонница меня давно бы в гроб свела,
Когда бы о тебе не грезил досветла.

О родинка у рта! Как зернышко она.
Я — птица. Для меня желанней нет зерна.

Убьешь Хосрова — он благословит судьбу.
Свободу от оков приносит смерть рабу.

185

Я грешником сойду в потусторонний мир.
Взгляните, царь и бог в моей груди — кумир.

То гневен, то игрив, то даже ласков он.
Взгляните, как пьянит! Но верности лишен.

В нем счастья не обрел, зато обрел тоску.
Взгляните, я сожжен подобно мотыльку *.

Чудовищный цветок взрастила в сердце страсть.
Взгляните, он кровав. Какое ж семя даст?

Не в рубище стою у запертых ворот.
Взгляните, я тону в обилии щедрот.

Кладу печаль любви на музыку стихов.
Взгляните, как певуч и сладостен Хосров!

186

Твой аромат зефир * на ложе мук принес
И тело оживил, иссохшее от слез.

Я аромат вдохнул, и не моя вина,
Что опьянел с утра, как от глотка вина.

Нет, не забылась ночь, казавшаяся сном,
И в сердце вспыхнул жар, полупогасший в нем.

Взмолился: «О глаза, залейте пламя вновь!»
Но вместо слез на грудь с ресниц скатилась кровь.

И сердцу я сказал: «Остерегайся ран!
Грозя душе, вступил в сражение султан».

Твоя краса была моей души душой,
Когда же ты ушла, они ушли с тобой.

О соловей, скажи, прервав немолчный стон:
Цветет ли роза, чей оплакал я бутон?

Зефир, коль ты — ее гонец, о, как я рад,
Что все еще живой, что слышу аромат!

Благодарю, творец! Хвала тебе, зефир,
За то, что ты принес Хосрову эликсир!

187

О люди, связанные небом единой, но непрочной нитью,
От одержимого скитальца, молю вас, руки уберите!

Среди безмолвия развалин в объятьях полного забвенья
Меня безвестности предайте и тишине уединенья.

Да укрепят благочестивых мольбы и стоны в правой вере,
А опьяненному откройте вином в седьмое небо * двери.

И если склонны предоставить безумцу истинное благо,
Меня, о люди, заточите в блаженный сумрак царства мага *.

Пускай соперники ревнуют, пусть обрекут меня на муки,
Когда полы благословенной коснутся жаждущие руки.

Я отрешенно поднял знамя той, перед кем благоговею.
Мансуром * стану, если петлю слепцы набросят мне на шею.

Оденьте в рубище Хосрова! Считайте — он из нищих нищий,
Что сострадания, как хлеба, в ее жестоком сердце ищет.

188

О, поднимись на кровлю, подобная луне,
И ты заменишь миру луну небес вполне!

Тебя безумцы молят: «О, выйди из ворот!»
Так молит подаянья на рынке нищий сброд.

Зачем так туго платьем обтягиваешь стан?
Вопьется шов, на стане останется изъян.

Сердито хмуря брови, молчишь, а я притих
И жду, какая колкость сорвется с губ твоих.

Считаешь побрякушкой, пустым словцом печаль?
Не ведавший печали поймет ее едва ль.

Мое, о кравчий, тело не поражай мечом.
Ты чашу не наполнишь остатком крови в нем.

Кого не обжигает прелестных гурий * взгляд,
Того, поверь, не сможет испепелить и ад.

Тоска, в изгнанье душу отправить не спеши!
Любимая красою лишит сама души.

Коль шапка, как на воре, на любящем горит,
Как может быть от взоров огонь позора скрыт?

Хосров, не огорчайся, не сетуй и не плачь!
На смену неудачам придет пора удач.

189

Тебя достойных кипарисов нет в Ноушаде *, нет в Халлухе *.
О красоте твоей, о роза, из края в край кочуют слухи.

Поскольку жить в руинах сердца тебе, жестокая, по нраву,
Мое вполне тебя устроит. Оно разрушено на славу.

Моим стенаньям ты не внемлешь, на плач безумца смотришь сухо.
Коль сердце мук не испытало, оно к чужому горю глухо.

Велишь главу посыпать прахом, склонив у ног твоих колени?
Да стану прахом, коль не в радость сочту такое повеленье!

Меня, увы, не вспоминаешь. Не знаю сердца вероломней.
Да не наступит время все же, когда и я тебя не вспомню!

Прощаю гнет, прощаю муки. Винить в жестокости не вправе.
Ведь у красавиц справедливость не упомянута в уставе.

Не избегай сердец разбитых! Найдется целое едва ли
У тех, кого твои нарциссы * хотя б однажды осияли.

Не упрекай, благочестивый, в несоблюдении обета.
Обет влюбленного не стоит и продырявленной монеты.

Что назидания Хосрову? Откроет уши он упрекам
Благоговейно, если только, о роза, будешь ты пророком!

190

В ту ночь, когда ко мне придешь, подобная луне,
Круговращение небес покорным станет мне.

Благоухание твое приносит ветерок,
И я опять схожу с ума и проклинаю рок.

Моя душа в твоем плену. Скажи, когда-нибудь
Вернешь ли пленницу любви в измученную грудь?

Кровоточит моя тоска, лишая тело сил,
Но не хочу, чтоб от нее всевышний исцелил.

Когда ж в неравной битве с ней придется лечь костьми,
Пускай земля поглотит прах, но душу ты возьми!

Я неспроста на твой порог смотрю издалека:
Боюсь, навеет на тебя тоску моя тоска.

Но если ты услышишь плач, тебе вернее слов
В ночном безмолвье скажет он, что чувствует Хосров.

191

Ты красивей розы. Влажный взор пьянит.
Губы точно сахар. Стройный стан — самшит.

А какие кудри дал тебе Аллах!
Гиацинт мечтает о таких кудрях *.

Образ твой — виденье. Сну подобен он.
Горе мне! Безумцев избегает сон.

Праведник плетется за тобой, как раб,
Молится на брови, позабыв михраб *.

Днем и ночью грезит о тебе Хосров,
Оттого в газелях * аромат цветов.

192

Несравненной красотою наделил тебя Аллах.
Ты соперница земная той луны, что в небесах.

Мне шепнул скиталец-ветер, заглянув однажды в сад,
Что нежнее, чем у розы, твой волшебный аромат.

Но, увы, глядишь с укором, взглянешь — и отводишь взор.
О всевышний, не таит ли благосклонности укор?

В тонкий волос превратила одержимого тоска,
Жажда стан обнять, который, право, тоньше волоска.

Обессиленно упала голова моя на грудь,
Потеряв навек надежду разум к трезвости вернуть.

О, внемли стихам Хосрова! Он воистину поэт.
Равноценного не сыщешь, в мире сладостнее нет.

193

О прелестница, предел упоительной мечты,
В мире не было такой совершенной красоты.

Увидав тебя, жасмин устыдился. Что жасмин?!
Ты слепящий взор цветок. Есть ли ярче хоть один?

Если днем вкушаешь сон — мир окутывает ночь.
Спишь — и солнцу одному с тьмою справиться невмочь.

Быть похожей на тебя жаждет юная луна,
Оттого так страстно ждет полнолуния она.

Вьются локоны твои. Нет опаснее силков.
В петли, льнущие к вискам, угодит и птицелов.

Ты разбила сердце мне. Впрочем, я не ждал добра.
Камень падает всегда на изделье гончара.

Коль ослепну я от слез — ни к чему искать бальзам.
Прах порога твоего — эликсир моим глазам.

У коня тоски, Хосров, не натягивай удил.
Усидеть в седле и так ненадолго хватит сил.

194

Когда идешь, несутся вслед восторженные стоны.
При виде розы соловей так стонет восхищенно.

О, задержись в груди, душа! Еще упрямо верю,
Что опьянившая меня войдет с улыбкой в двери.

Увы, я душу предложил в ночи ее виденью.
Что может дервиш предложить, какое угощенье?

Увидев немощность мою, произнесла надменно:
«Терпи! Страдания твои, подобно телу, бренны».

Приемлю этот приговор, но не прощу суровость.
Умру у ног ее, чтоб в ней заговорила совесть.

О сердце, осуши глаза! Сдержи при ней рыданья.
Неудержимо слезы лей, но не в часы свиданья.

Печалью ты уже давно превращено в руины,
Теперь разрушено дотла рукою властелина.

О юный деспот, не кичись! Краса твоя не вечна.
Чуть перезреет, и, глядишь, уже не безупречна.

Увлекся юностью Хосров, а ей любить — впервые.
Не загораются дрова, когда они сырые.

195

Там, где прошла, осияв ореолом,
Прах собираю подол за подолом.

Под ноги стлался, в царапинах тело,
Мельком хотя б на меня поглядела.

Душу похитив, о ней позабыла,
Вдребезги хрупкое сердце разбила.

Но показалось и этого мало,
К лунному лику глаза приковала.

Мучит, избрав ремеслом вероломность.
Рок, сочетающий звезды, опомнись!

Жаждой томимый, не воду ищу я,
Влагу иную — вино поцелуя.

Плачу над строчками. В каждое слово
Вкраплены жемчугом * слезы Хосрова.

196

О нищий, ты — богач! Знай, сердце — это клад.
Нет сердца у владык, что мир ввергают в ад.

Какой в богатстве прок? Ведь на твоих глазах
Преображалось в прах. Ему и место — прах.

Разумному корысть и алчность не к лицу.
Обогащать свой ум пристало мудрецу.

Умрешь, не удивлюсь, коль ты творил разбой,
Что будут воевать и кости меж собой.

Подобный камню мертв. Он телом истукан.
Душа его парит не в странах мусульман.

Не унижай себя, пред золотом клонясь.
Лишь пред лицом творца не стыдно наземь пасть.

Небесный банкомет смеется над землей:
Рискуя медяком, срывает золотой.

Но так чарует взор красавицы небес,
Что с нею не могу играть на интерес.

Ведь истинно влюблен, кто рад отдать и кровь.
Любимую предаст играющий в любовь.

Растит в саду цветы отнюдь не дождь, а пот.
Коль не приложишь труд, бутон не расцветет.

Не всякий, о Хосров, нравоученьям рад.
Целебен эликсир, да часто горьковат.

197

Я превращен разлукой в прах,
Что жгут индийцы на кострах.

Сражен тоской, но нет гонца,
Нет от неверной письмеца.

Пока не выдал стон тоску,
Пришли тайком хотя б строку.

Я поднесу ее к глазам
Как исцеляющий бальзам.

Но как прочтет угасший взор
Твое письмо, твой приговор?

В ответ послания не жди,
Оно начертано в груди.

Мне сердце рассеки мечом —
И ты прочтешь посланье в нем.

О ночь, когда же наконец
С ее письмом придет гонец?

Увы, Хосров, бальзам для ран
Пошлет ли дервишу султан?

198

Куда, красавица, спешишь, не глядя на меня?
Какой обители грозит набег средь бела дня?

Кто новой жертвою падет, попавшись на соблазн?
Чье сердце вырвешь из груди? Чья хлынет кровь из глаз?

Сражаешь луками бровей, не вкладывая стрел.
Скажи, кого решила взять бровями на прицел?

Моей израненной душе могла бы ты помочь.
«О, исцели ее!» — молю, но ты уходишь прочь.

Глубоко ты в нее вошла. Не веришь мне? Ну что ж!
Разверзни грудь мою мечом — себя в душе найдешь.

О искушение сердец, о красота сама,
Коль не Хосрова, то кого идешь свести с ума?

199

О луна с походкой павы, не сошла ль с небес на миг?
О раскрывшаяся роза, чей покинула цветник?

На твоих губах росинки влажной ласки ветерка.
Чья ты, стройная, как стебель сахарного тростника?

Два мерцающих агата скрыты в стрельчатой тени.
Чья ты, ягода унаби *? Хоть словечко оброни!

Ты сердца еще не грабишь, ты совсем еще юна.
Чья ты, робкая тюрчанка *? Чьим объятиям верна?

Посидеть зову за чашей, продолжаешь молча путь
И мою уносишь душу. Чья тебе милее грудь?

Точно тащишь за собою, поводок держа в руке.
Чья тебя надежно держит на коротком поводке?

О Хосров, хотя б спросила, за спиною слыша стон:
«Чей верблюжий колокольчик издает унылый звон?»

200

О мой божок, тебе по нраву игра в любовь, а не любовь.
Резвясь, насмешкой умерщвляешь, улыбкой воскрешаешь
вновь.

Но из-за столь прелестных шуток душа сдержать не
в силах плач.
Откройся, кто ты: добрый ангел или безжалостный палач?

Для твоего же блага руки не выставляй из рукавов,
Не то запястья кровью сердца забрызжет раненый Хосров.

Отпей вина! Моим подолом утри уста. Пускай пятно
Расскажет всем, что я запятнан, что сердце чести лишено.

Твердишь: «Люблю!» Но если любишь, не причиняй
страдальцу боль.
Зачем, любя, на раны сердца жестокосердно сыпать соль?

Вскочи в седло, и я, рыдая, паду во прах к ногам коня.
Воздам хвалу земле и небу, коль он наступит на меня.

Колчан, я вижу, приторочен к ремню на талии твоей.
Не убивай стрелой кокетства, стрелой воистину убей!

В моей груди сосуд печали, тобой наполненный, найдешь.
О, не бросай камней упреков, сосуд печали разобьешь.

Высокомерье и надменность переношу который год
Лишь потому, что понимаю: кумиру скромность не идет.

Увы, Хосров, глубоко в сердце печаль вонзила острие.
Ты долго тешился надеждой, теперь утратил и ее.

201

Остался шрам — клеймо печали в груди, разлукою томимой:
Да не изгладится вовеки! Ведь это память о любимой.

Не говори душе: «Останься!», к себе испытывая жалость.
Пускай душа твоя уходит, подруга только бы осталась.

Уже меня в толпе влюбленных насмешки хлещут словно
плетью:
«Смотрите, к нам пришла собака, что проспала
тысячелетья!» *

Не изводи меня кокетством, давно лишился я сознанья.
Каким вином поишь безумца, понять уже не в состоянье.

Но знаю, тем вином состарен. Что знают о подобном хмеле
Благочестивые святоши? Они — младенцы в колыбели.

Я раб столь нежного кумира, очам дарящего усладу,
Что позволительно коснуться такого стана только взгляду.

Мне без тебя моя обитель — темница, место заточенья,
Хоть лунный образ твой бессменно рисуется воображенью.

Хосров извелся от печали, и нет спасительного средства.
Увы, на пагубу влюбленным дано красавицам кокетство.

202

О светоч всех влюбленных, луне подобный лик!
О искушенье мира, чей так соблазн велик!

Владыка края нежной и тонкой красоты,
Главенствуешь над войском земных красавиц ты.

Когда идешь с базара, роняю слезный дождь
И к той спешу дороге, где близко ты пройдешь.

Соперники косятся и преграждают путь.
Украдкою стараюсь хоть издали взглянуть.

К чему, Хосров, стенанья? Опомнись и уймись!
Твои мольбы не тронут надменный кипарис *.

203

Взглянуть на твой прекрасный лик — моей душе
отдохновенье.
Она свободна от оков лишь в эти редкие мгновенья.

О насылающая смерть! Коль есть убийца столь красивый,
Непостижимо, как еще из праха созданные живы.

Любой, увидевший тебя, утратив сердце, умирает.
Душа его — в небытие, глаза же на тебя взирают.

В неискушенные сердца стреляешь луками-бровями.
Хоть лука два, но сонмы тел навек прощаются с сердцами.

Могу ли спину разогнуть, о мой владыка, хоть немного,
Коль униженно я клонюсь главою к твоему порогу?

Хоть Хамадан * — оплот ума — не далеко от Вавилона,
Что знает разум о любви, столь Вавилоном изощренной?

Пойми, о розовая ветвь, кто жаждет только тела розы,
Бронею сердце оковал и льет неискренние слезы.

204

О, прочь, печаль! Мольбы услышала богиня.
Она пришла! Судьба — моя раба отныне.

Ловившая в свои тенета все живое,
Сама попала в сеть, расставленную мною.

Из-за ее бровей, подобия михраба *,
Впадает и мулла в сомненье: где Кааба *?

Из-за хмельных очей душа и сердце в ранах.
Но что хмельных винить? Не много спросу с пьяных.

Явилась, и Хосров лишился дара речи.
Лишает языка с возлюбленною встреча.

205

Любовь — ниспосланная кара,
Но нет влюбленным лучше дара.

Кто жаждет от любимой дани,
Тот возлюбил свое желанье.

О дни слиянья в неге страстной!
И все ж печаль любви прекрасней.

Сражает небо тех, кто любит,
Меня же зависть к павшим губит.

И грех вино, и валит наземь,
Зато расковывает разум.

Спроси: «Не пить давал ли слово?»
Давал, но тянет к чаше снова.

206

Пришла подобная Юсуфу *, когда на ложе мук прилег,
В сожженном сердце отыскала полусожженный уголок.

Его заполнила печалью, и зарыдало сердце вновь,
Во мраке ночи с новой силой заговорила в нем любовь.

Уснули псы сторожевые, а сторож был, наверно, пьян,
И я до самого рассвета сжимал в объятьях дивный стан.

Под утро я услышал голос чтеца Корана. В этот час
Я возносил хвалу кумиру, предав забвению намаз *.

Что мне страшиться было неба, коль с уходящею луной
Прощался я, боясь, что снова печаль останется со мной?

И так со лба клеймо печали, как ни стараюсь, не сведу.
Оно начертано, должно быть, жестоким роком на роду.

Судьба позволила Хосрову к воде источника ступить,
Но передумала и жажду не разрешила утолить.

207

Время приняло облик иной, замыкается жизненный круг.
В вечность канули слезы любви, в вечность канули ласки подруг.

Нет любимой, чей некогда взор и пьянил, и бодрил, как вино.
Сердце стало похожим на дом, что покинут жильцами давно.

Холод бренного мира сего мускус мой превратил в камфару *.
Где вы, юности знойные дни? Отгорели подобно костру.

Если даже страдаю теперь, нет, увы, сострадающей мне.
Где вы, кравчие с чашею мук, у которой блаженство на дне?

Я сочувствия жадно ищу, но сочувствия нет и следа,
Точно время, стирая следы, стерло след и его навсегда.

О вкушающий ныне любовь! Отрыдав, не поют соловьи.
Надо мною не смейся! И я наслаждался дарами любви.

Кто сегодня далек от беды, завтра волосы рвет на себе.
Возвещает ликующий крик о грядущих проклятьях судьбе.

Торопись быстротечную жизнь благу радостей жизни продать,
Ибо может пройти, не успев подарить на земле благодать.

208

Беги, о сердце, от руин! Что этот мир? Ничтожный прах.
Расправив крылья, воспари и свей гнездо на небесах.

Спасенья ищет в нищете и одиночестве аскет,
Но в отрешенности земной спасенья страждущему нет.

Свое усердие клади весомо на весы небес.
Ты знаешь: весу двух миров * двух зерен мака равен вес.

Тропою истовой любви придешь к вратам, ведущим в рай.
Душой, открытой красоте, на лик всевышнего взирай.

У Рахша * времени уздой никто сдержать не в силах бег,
Но силой веры удержать способен время человек.

Считаешь явью этот мир? О нет, он только мнится нам,
И в жажде истинного взор мы обращаем к небесам.

Любовь к вершителю судеб воздвигни на своей крови
И пей вино любви к нему под стоны страстные любви.

А если то вино любви не хочешь пить во храме, что ж,
Ступай в суфийский погребок, и там вино любви найдешь.

К чему венчать главу, Хосров, земною славой на века?
Пойми, ее легко стряхнуть единым взмахом гребешка.

209

Сияньем утро озарил в ночи пригрезившийся лик.
Явилась юная весна, и снова ожил мой цветник.

Была разлука Судным днем, но я оправдан судией,
Коль распахнул прекрасный взор ворота рая предо мной.

О, сколько выстрадал ночей! Могу ли муки перечесть?
Я все, должно быть, испытал, какие только в мире есть.

Душе и сердцу, что со мной не знали радостного дня,
Не мог я лик не показать, столь долго скрытый от меня.

Лишь в эту ночь на мой подол не пала ни одна слеза.
Ведь я, ликуя, прижимал к ногам возлюбленной глаза.

О красота, что в эту ночь открылась взору моему!
Как разрешили небеса ее увидеть, не пойму.

Сказала: «Дважды поцелуй!» Но только раз поцеловал.
Едва коснулся дивных уст, увы, сознанье потерял.

Все это было только сном. А был ли, вспомни, даже он?
Ведь ты лишился сна, Хосров, так мог ли ты увидеть сон?

210

О, не прячься! Приди! Мир, объятый тоской,
В созерцанье тебя обретает покой.

Дай насытить глаза безупречностью стана!
Коль накормит султан, не убудет султана.

Стрелы взора в меня умоляю метнуть.
Эти стрелы — бальзам, исцеляющий грудь.

Что за странная боль, если надобны стрелы
Для того, чтобы грудь у меня не болела?!

Я — ладья, что печалью полна по края.
Дождь кокетства прольешь — и потонет ладья.

В обессиленном теле душе не ужиться.
Не живет средь развалин домашняя птица.

О любовь! Твой родник искандеров * манит,
Но живою водой лишь немногих поит.

Созерцать красоту для Хосрова — услада,
Но в смятении сердце от встречного взгляда.

211

О ты, чьи кудри — ночь, а лик — сиянье дня,
Молю, не уходи, не отвергай меня!

Скажи, что вижу я: фисташку * или рот?
А подбородок твой, бесспорно, сладкий плод.

Из глаз моих опять потоки слез текут.
Молю, моя луна, покинь созвездье смут!

Кляну разлуку так, что в небе слышен крик,
И ангелы вопят: «О, смолкни хоть на миг!»

Счастливую звезду ищу меж тысяч звезд,
Но как ее найти, коль я ослеп от слез?

О кравчий, дай вина! У смерти на краю
Последний уголек в моей груди залью.

Отрину всех богов у мага * в погребке.
Кощунство о богах судить с вином в руке.

Меджнуну * я родня. Во мгле предвечной тьмы
Из кубка одного, должно быть, пили мы.

Любовь хитра, Хосров. И тот, кто седовлас,
Твердит ее азы сначала каждый раз.

212

Ты стройнее кипариса * сада красоты,
О предел моих желаний, сон моей мечты!

Одержимым стал. Но разве только я один?
Разум ликом превращаешь в скопище руин.

Нимб, сияньем окружавший голову Исы *,
Превзойти могла б сияньем тень твоей красы.

Тот невежда, не знакомый с истой красотой,
Кто о розе вспоминает, лик увидев твой.

О владычица красавиц, ты — султан, я — раб.
Ведь в стране, тебе подвластной, и султан — сатрап.

И в мечетях, и в кумирнях слышу о тебе.
На коленях благодарность возношу судьбе.

Ты назначила свиданье, и теперь Хосров
От волненья для газели * не находит слов.

213

Плачу долгими ночами, хоть привык уже к печали.
Где вы, ночи, что с любимой ни на миг не разлучали?

Я ворочаюсь на ложе, изливая сердце в стонах,
Вновь и вновь перебирая счастье тех ночей бессонных.

Этой ночью до рассвета припадал к ее порогу,
Унижаясь, возносился в небо, к райскому чертогу.

Трижды будь благословенно наслаждение похмелья,
Хоть и пью вино печали, а она — вино веселья!

Говорят: «Скажи, стенаешь от какой несносной боли?»
Той же боли, что у птицы, век томящейся в неволе.

Я воскрес бы, коль была бы хоть надежда на свиданье.
Жалко жизни, что проходит в безнадежном ожиданье.

О любовь, услышь газели * с каплей крови в каждом слове!
В тягость день без опьяненья опьяненному любовью.

Как я прожил день вчерашний, не расспрашивай, о роза!
Не просохли и поныне на лице страдальца слезы.

Тяжко бремя страсти сердцу, разлученному с кумиром.
Что ж, тем легче для Хосрова расставанье с этим миром.

214

Я слезы лью. Твоя вина:
Не столь пленительна лупа!

Идешь, походкою пьяня,
Да жаль, уходишь от меня.

О прах у ног твоих! Глазам
Он исцеляющий бальзам.

Средь взором ловящих сердца
Нет изощреннее ловца.

Ты смерть несешь, но разве тот,
Кто не сражен тобой, живет?

Сжигает ли печаль? О, да!
Меня сжигает без труда.

Игра со смертью — верность. Что ж!
Ведь все равно, Хосров, умрешь.

215

Глазам души твое виденье приносит радость созерцанья,
А кудри сердце похищают, витками локонов арканя.

Качусь игральной костью, чтобы узнать: не выпадет ли счастье
Увидеть на прекрасном лике хотя бы признаки участья.

Не знаю, жив ли я? Быть может, уже убить меня успела.
Как только ты вступаешь в сердце, душа уходит прочь из тела.

О, как она тебя страшится! Увидев, стонет и рыдает,
Сопротивляется вторженью и все же тело покидает.

Так было и минувшей ночью, когда, лишенное покоя,
Со мною сердце до рассвета делилось болью и тоскою.

Казалось мне, душа, как птица, о прутья тесной клетки бьется,
Когда ж настало утро, понял: ушла и больше не вернется.

Нет, не досталась ты Хосрову. Околдовала и сгубила.
Корить? Кого? И много ль проку в упреках на краю могилы?

216

Я одержим любовью, я очарован пери,
Что взором разрушает устои правоверья.

Жестокая, не бойся мой прах попрать ногою!
Ведь вся земля во прахе поверженных тобою.

Ты — сад весны, о роза! Но мне-то много ль проку?
Что сад, в котором розы доступны только оку?

Тебя спасти, о сердце, и пробовать не стану.
Ведь в сердце у любимой во всех углах капканы.

Красавица, не требуй смиренья от Хосрова.
Пойми, не в силах разум надеть на страсть оковы.

217

О творец, подобен этот мир темнице.
Сердцу от печали не освободиться.

Хоть любви безбрежно и бездонно море,
Я, гонимый роком, утопаю в горе.

Иногда приходит к некоторым счастье,
Я же не дождался от судьбы участья.

Утверждают, будто небо — благодетель.
Нет, оно мучитель. Я тому свидетель.

Умолял: «За счастье жизнь возьми, о небо!»
И услышал: «Счастья на земле не требуй».

У меня не выпасть в нардах двум шестеркам *.
Наделен судьбою только счастьем горьким.

Та, из-за которой я схожу в могилу,
Обо мне ни разу даже не спросила.

Помрачила разум, иссушила тело,
До меня, однако, нет жестокой дела.

Может быть, была бы все ж добросердечна,
Коль не враждовали б рок с любовью вечно.

О Хосров, на свете нет добросердечья.
Черствый мир не тронут жалобные речи.

218

Не следуй трезвому уму!
Влюбленным трезвость ни к чему.

Страшишься терниев любви —
Себя влюбленным не зови.

Шипов любви не перечесть —
Ославив, отнимает честь.

О муэ̄ззин, не призывай!
Любовь — моя дорога в рай.

Коль сердце страсти лишено —
Подобно падали оно.

Я — ринд *, венчанный сединой.
Ну что ж, седины крашу хной.

Вино — бальзам больным глазам,
Мне взор красавицы — бальзам.

Мой бог — кумир. Я — жертва чар.
В руках не четки, а зуннар *.

Увы, любви непрочен кров
В увядшем сердце, о Хосров!

219

Страшусь, что я сойду с ума из-за тебя, красавица.
Страшусь недоброю молвой в устах молвы прославиться.

Да, разлучила ты меня и с разумом, и с верою.
Страшусь, взамен вознаградишь души моей потерею.

Я стал в плену твоих кудрей иссохшим стеблем колоса.
Легко гребенкою смахнешь, расчесывая волосы.

О, дай спастись от их цепей, освободиться вовремя,
Пока они не стали впрямь безумному оковами!

Я со вчера еще хмелен случайной встречей нашею,
Протянешь чашу — свалишь с ног одной неполной чашею.

Молю, приди, свеча свечей, чье сердце твердокаменно,
Чтоб мотыльком * сгорел Хосров в твоем жестоком пламени!

220

Молю, спасите! В сердце вновь
Воскресла прошлая любовь.

Душа опять умчалась вдаль,
Вернулась прежняя печаль.

Но до меня и дела нет
Затмившей лунным ликом свет.

К мольбам безумца холодна,
Внимает недругам она.

Во сне лечу я, о Аллах,
Как в бездну, в ямки на щеках,

И стог терпенья поутру
Разметан, точно на ветру.

О горе, в руки грез и снов
Свою судьбу вручил Хосров.

221

В сердце царица сердец поселилась,
Та, чья любовь — высочайшая милость.

Толпы стекаются к стенам дворца,
Сеют в надежде на влагу сердца.

Дождь милосердья не сыплется с трона.
С криком добычу уносят вороны.

Пусть, о тиран, опахалами в зной
Веют ресницы мои над тобой!

Ты лунолика, но лунным сияньем
Жжешь, как самум пепелящим дыханьем.

Я о кровавых ожогах молчу,
Быть исцеленным от них не хочу.

Счастье — тобой нанесенные раны
Радуют сердце, как суры * Корана *.

О, наслаждайся спокойно вином!
Кровь убиенных безумием в нем.

Сердце Хосрова колеблется ныне
Меж правоверьем и храмом богини *.

222

О ты, чьи сулят блаженство уста,
У всех на устах твоя красота.

С улыбкой твоей сравнится ли мед?
Увидев ее, дивится народ.

Но жалости нет во взоре твоем.
Вонзаешь в меня копье за копьем.

Я жгу небеса дыханьем своим.
Полнеба закрыл клубящийся дым *.

Рыдал в цветнике до утренних рос,
И птицы в тоске метнулись из гнезд.

Тобою ума навеки лишен.
О, смейтесь, друзья! И впрямь я смешон.

Слыхал: «На земле, взгляните-ка, кровь!
Тут, видно, Хосров оплакал любовь».

223

О мой китайский идол *! Опять внушаешь страсть,
Вновь сердце искушаешь кумиру в ноги пасть.

Не спрашивай, о друг мой, кем сердца я лишен.
Задай вопрос отнявшей единым взглядом сон.

Зовет меня слугою, а я считать готов,
Что стал по меньшей мере владыкой двух миров *.

Нет, не своею волей я превращен в слугу.
Есть, видно, в сердце нечто, с чем спорить не могу.

Твердит молва: «О роза, краса твоя во зло».
Нет, собственное сердце само меня сожгло.

О, как Хосров обязан виденью твоему
За то, что приближает Хосрова хоть к нему.

224

Познавшему печаль сама печаль услада,
И радостей иных познавшему не надо.

О кравчий, поспеши тому вина добавить,
Кто чашею печаль не в силах больше славить.

Ведь выпивший кувшин не достигает цели,
Коль отступает он пред новой чашей хмеля.

Но мне не доливай! Не от вина пьянею.
Меня твои глаза пьянят куда сильнее.

Уже ушла душа, уже не держат ноги,
Уже печаль любви наносит мне ожоги.

Я плачу, но меня не упрекай за слезы.
Рыдает соловей при виде юной розы.

Для сердца не ищу целебного настоя.
Да будет до конца измучено тобою!

Безмерно рад Хосров влачить ярмо неволи,
Когда на то твоя божественная воля.

225

Мимо прошла и не бросила взгляда,
Ввергнув в объятья и рая, и ада.

Замер, любуясь, покуда не скрылась.
Следом за нею душа устремилась.

Все ж горделиво проплывшая рядом
Издалека удостоила взглядом.

О назидающий, спорить не станем.
Знаешь ли то, что коришь назиданьем?

Ну так узнай, не по собственной воле
Стал я сосудом печали и боли,

Но доставляют страдания эти
Сладость, какой не найдешь и в шербете.

Пламени страсти не свойственна жалость.
Горсточка пепла от сердца осталась.

Все ж, о Хосров, пусть не гаснет веками
Страсти сжигающей чистое пламя!

226

Помню время, было сердце у меня в груди тогда,
Ибо верности подруга тоже не была чужда.

А теперь — о память сердца, ран моих не береди! —
Я дивлюсь тому, что сердце билось некогда в груди.

Но хвала тебе, о небо, и за то, что сердца нет!
Неотступно за подругой сердце где-то ходит вслед.

Как увидело когда-то взор, пьянящий, как вино,
Изменило благочестью и запоем пьет оно.

Только раз воскрес из мертвых, в день, когда явилась вдруг,
Хоть ее сопровождала свита бедствий, свита мук.

Вновь письмо ее читаю и сдержать не в силах стон.
Муравьям подобны буквы, но глядит из них дракон.

О Хосров, умри, но сердце возвратиться не зови!
Пусть останется в легендах и сказаньях о любви.

227

Кому не страшны кары неба, о неба жалкие рабы?
От вас грядущее сокрыто. Кому не страшен перст судьбы?

В руке Мусы * увидев посох, не устрашился Фараон *
Лишь потому, что был на время по воле неба ослеплен.

Но если Мустафа * в пустыне возьмется быть проводником,
Ступай за ним, о друг, бесстрашно. Сверкнет оазис родником.

Цена Юсуфу * — оба мира *, дороже солнца и луны,
Но где найдется тот, который не устрашится той цены?

Солнцеподобный повелитель не убоится тени той,
Что неотрывно рядом с нищим бредет с протянутой рукой.

Покорно пламя базиликов отдастся в руки лишь того,
Кто, наступив на горло страху, боится бога одного.

Хосров от страсти обезумел и от скитаний изнемог.
Того, кто голову теряет, не устрашит потеря ног.

228

Пришла ко мне любовь и душу унесла,
У трезвого ума рассудок отняла.

До сердца моего дотронулась рукой —
И радость унесла, терпенье и покой.

Ей все бы унести, взамен оставив страсть,
И упоенно жечь, отдав тоске во власть.

Я ею разорен. За что казнишь, Аллах?
У нищего суму унес грабитель-шах.

На призрак стал похож в плену ее волос.
Повеял ветерок — и призрак мой унес.

Вино тоски по ней, которым каждый пьян,
Уносит сонмы душ примерных мусульман.

Когда на ложе сна приходит чуткий сон,
С постели в царство грез я тотчас унесен.

Но чаще по ночам страдальцу не до сна.
Не посещая сон, уносит сон она.

Да унесет печаль глаза мои, чей взор
Не может из-за слез от взоров скрыть позор!

Где сердце, о Хосров? Из тела без труда
Унесено, любовь, тобою. Но куда?

ПРИМЕЧАНИЯ *

К газели № 10 — Не тревожься, коль ударит караульный в барабан.— В средневековом мусульманском городе ночная стража, обходившая дозором улицы, отбивала на барабане временные периоды.

К № 55 — Так попугаям дал любовь лишь к Индии Аллах.— По традиции, попугаи происходят из Индии, куда они всегда хотят вернуться из неволи.

К № 59 — О связавшая кудрями! — В персидской поэзии традиционно сравнение кудрей красавицы с силками, петлями, узами и путами.

К № 73 — ...в ухо вдень, как рабу, кольцо...— В средние века на Востоке рабы носили кольца в ухе (или ошейник) с именем владельца.

К № 75 — ...в неверье впал бы, вина испив.— По мусульманским нормам пить хмельное грешно.

К № 77 — ...как сова, жизнь влачу в руинах.— По мусульманскому преданию, совы всегда обитают в развалинах.

К № 95 — О всех торговцев сахаром глава! — Под торговцами сахаром имеются в виду красавицы, «средоточие услад».

К № 103 — ...лук, стреляющий печалью. День за днем в меня печаль стрелы глаз твоих вонзали.— Лук в поэтической традиции сравнивается с бровями (сросшиеся брови или специально подведенные сплошной линией считались очень красивыми), стрелы — с ресницами.

---

* Примечания и глоссарий составлены С. А. Шуйским.

К № 105 — Привяли кудри-гиацинты, и спят нарциссы глаз.— Традиционные образы арабо-персидской поэзии: белок глаза уподобляется лепесткам цветка, радужная оболочка глаза — коричнево-желтой сердцевине; темные и благоуханные кудри — фиолетовые гиацинты.

К № 114 — Индийцы всходят на костер... Твоим индийцем стал Хосров, хотя и тюрок он.— Имеется в виду погребальный обряд сожжения у индийцев. Амир Хосров — сын иранского князя тюркского происхождения, что он и подчеркивает в этом стихе.

К № 122 — Днище ветхого ковчега не упрется в Арарат.— Имеется в виду Ноев ковчег, по преданию, после окончания потопа причаливший к горе Арарат.

К № 126 — Ведь будет лилия смешна, коль станет пред соседом хвалиться, будто бы за ней кружится солнце следом.— Считается, что цветок лилии поворачивается за солнцем, подобно подсолнуху.

К № 130 — Не ведет в кумирню святости стезя.— Мусульманское правоверие зиждется на единобожии и не допускает идолопоклонства.

К № 180 — Хвала ваятелю, что создал в миг единый столь дивный облик из воды, соединенной с глиной! — По коранической преданию (заимствованному из Библии), бог создал человека из смеси воды с глиной.

К № 195 — В каждое слово вкраплены жемчугом слезы Хосрова.— В классической поэзии понятия «нанизывать жемчужины» и «писать стихи» обозначались одним словом.

К № 201 — ...собака, что проспала тысячелетья! — Имеется в виду собака из библейской (и коранической) легенды о семи спящих отроках, ставшей популярным сюжетом в ближневосточных литературах и фольклоре. Семеро молодых эфесских христиан укрылись от преследований в пещере, где были замурованы и проспали более трехсот лет, чтобы затем присутствовать при торжестве справедливости.

К № 207 — Холод бренного мира сего мускус мой превратил в камфару.— Т. е. черные волосы поседели — традиционное сравнение мускуса с черным цветом, камфары — с белым.

К № 217 — ...не выпасть в нардах двум шестеркам.— При игре в нарды перед каждым ходом бросают кости и в зависи-

мости от того, сколько очков выпадает, передвигают фишки на доске; две шестерки — самый удачный вариант.

К № 221 — Сердце Хосрова колеблется ныне меж правоверьем и храмом богини.— См. прим. к № 130.

К № 222 — Полнеба закрыл клубящийся дым.— Дым — символ печали в персидской поэзии.

К № 227 — В руке Мусы увидев посох, не устрашился Фараон.— В Коране (по библейским мотивам) посох Мусы превратился с божьей помощью в змея-дракона, который пожрал колдовских змей Фараона.

ГЛОССАРИЙ

Азер — в Коране (см.) отец пророка Ибрахима, по преданию, поклонявшийся прекрасным идолам (которых он сам изготовлял).

Алоэ — имеется в виду алойное дерево, древесина которого сжигалась как благовоние.

Аргаван — иудино дерево, широко распространенное в субтропиках растение с ярко-розовыми цветами, которые в поэтической традиции сравнивались с устами и ланитами красавиц.

Аяз — см. Махмуд и Аяз.

Аят — стих Корана (см.), священной книги мусульман.

Барбат — струнный музыкальный инструмент.

Батха — долина близ Мекки (см.), которая считается священной.

Билкис — жена царя Сулаймана (в Библии — царица Савская и царь Соломон), к которой он посылал удода, своего помощника, в качестве посредника.

Брахман — индийский жрец; в поэтической традиции — идолопоклонник.

Вамик и Вис — персонажи средневековых произведений. Вамик и Азра — влюбленные в поэме Унсури (XI в.), Вис и Рамин — влюбленные в поэме Гургани (XII в.).

Виночерпий небесный — имеется в виду судьба (бог).

Газель — лирическое стихотворение, песнь.

Гиацинт — в поэзии символ волос красавицы, темных и благоухающих.

Гулистан — цветник, розарий; здесь гиперболическое обращение к красавице.

Гурия — так называли черноокие прекрасных дев, которые, по поверию, услаждают праведников в раю.

Джам — см. Джамшид.

Джамшид (Джам) — легендарный царь древнего Ирана. Ему принадлежала волшебная чаша, в которой можно было узнать судьбу, и перстень — символ власти над духами.

Джейхун — река Амударья, одна из полноводных рек Средней Азии.

Дулдул — мул пророка Мухаммада, на котором после смерти хозяина ездил Али (четвертый «праведный» халиф).

Зефир — утренний ветер, традиционный образ передачи вестей влюбленных.

Зуннар (греч. зонарион) — пояс, отличавший иноверца-христианина в мусульманской общине.

Зухра — Венера (планета). По преданию, Зухра была когда-то красавицей, покорившей своей красотой ангелов Харута и Марута. Ангелы были посланы на землю богом для испытания их непорочности. Зухра хитростью узнала у влюбившихся в нее ангелов тайное имя бога, обладавшее волшебной силой. Благодаря знанию имени бога Зухра вознеслась на небеса и была причислена к лику бессмертных, став «небесным музыкантом».

Индийская родинка — т. е. темная, черная родинка.

Индийцы — по мусульманской традиции, считались идолопоклонниками, ибо поклонялись изображениям богов (т. е. «идолам»).

Иса — Иисус, с которым в мусульманской традиции связано предание о целебном дыхании, способном оживлять мертвых.

Искандер — Александр Македонский, ставший популярным героем ближневосточных литератур и фольклора.

Кааба — главное святилище мусульман, расположенное в Мекке (см.), храм кубической формы.

Кипарис — традиционный символ стройности стана.

Китай — см. китайский. Все китайское в средние века на Ближнем Востоке считалось образцом прекрасного.

Китайский идол — здесь «несравненная красавица» (см. Китай).

Колпак и коврик — здесь отличительные признаки дервиша, странствующего суфия (см.).

Коран — священная книга мусульман, содержащая откровения пророка Мухаммада в окончательной письменной форме.

Кыбла — направление на Мекку (см.), куда мусульманину надлежит обращаться лицом во время молитвы. Туда же ориентированы михрабы (см.) мечетей.

Лейли и Меджнун — известная в ближневосточных литературах и фольклоре пара легендарных влюбленных, символизирующая трагическую любовь; Меджнун от любви теряет разум.

Маг — представитель древней религии Ирана — зороастриец; магов не касался запрет ислама на производство и потребление вина.

Мандрагора — многолетняя трава, распространенная в странах Ближнего Востока и в Индии; ее корневища, напоминающие формой человеческую фигуру, употреблялись как амулеты и приворотное зелье.

Махмуд и Аяз — один из самых могущественных газневидских султанов, Махмуд (999—1030), и его фаворит юный тюркский раб Аяз (ум. 1057).

Мекка — город в западной части Аравийского полуострова; место рождения основателя мусульманской религии Мухаммада; средоточие мусульманских святынь (см. Кааба). Паломничество в Мекку — священная обязанность мусульманина.

Михраб — ниша во внутренней стороне мечети, указывающая направление на Мекку (см.); в поэтической традиции свод михраба сравнивается с бровью красавицы.

Мотылек — в поэтической традиции символ страстного влюбленного, стремящегося к предмету любви, сравниваемому со свечой, в огне которой он сгорает.

Мумиё — «горный воск», вещество минерально-органического происхождения.

Муршид — мусульманский духовный наставник.

Мустафа — «избранник»; один из постоянных эпитетов пророка.

Мухтасиб — представитель средневековой «полиции нравов».

Муса — библейский пророк Моисей, часто упоминаемый в Коране (см.).

Мюрид — «стремящийся предпринять путешествие души по пути к богу», ученик муршида (см.).

Пай — тростниковая свирель.

Намаз — мусульманский молитвенный обряд, состоящий из совокупности движений и молитв, совершаемый пять раз в сутки. Молитвенный обряд совершается на специальном коврике.

Нарцисс — поэтический символ, обозначающий глаз.

Ноушад — город в Индии.

Нун ва-л-калам — начало первого аята (см.) суры 68 Корана (см.)

Оба мира — т. е. мир земной и небесный.

Рамазан — месяц мусульманского поста, когда верующие не должны есть и пить в дневное время и разговляются после захода солнца.

Рахш — конь Рустама (героя иранского эпоса «Шах-наме») — могучий, быстроногий скакун.

Ризван — по мусульманскому преданию, стражник у райских врат.

Ринд — беспечный бродяга, завсегдатай питейных домов; в персидской поэзии этот образ противостоит ханже, святоше.

Рута — травянистое полукустарниковое растение, произрастающее в Иране и Средней Азии. Его семена сжигают в качестве благовоний. В Иране рута считается средством от сглаза.

Саз — струнный щипковый инструмент.

Сальсабиль — название райского источника, упомянутого в Коране (см.), из которого праведники смогут пить хмельное.

Седьмое небо — по мусульманским космогоническим представлениям средних веков, небеса распределялись по девяти сферам: из них первые семь были сферами планет (седьмая сфера принадлежала Сатурну — Зухалю), восьмая сфера — сфера неподвижных (закрепленных) звезд, девятая, недоступная глазу смертных, отводилась богу и ангелам.

Семь поясов земных — мир, по мусульманскому поверью, делился на семь поясов, таким образом, выражение «семь поясов» означает весь мир.

Сомнат — город в Индии, центр культа бога Луны, знаменитый своими храмами; в мусульманской традиции считается средоточием капищ идолопоклонников. У Саади в «Бустане» (гл. VIII) есть рассказ «Сомнатский идол».

Сулайман — библейский царь Соломон, которому, по преданию, было покорно также царство духов.

Сура — глава Корана (см.); в общепринятой редакции Корана 114 сур, каждая сура состоит из стихов аятов.

Суфий — последователь мистического учения в исламе.

Таваф — ритуальный обход вокруг какой-либо мусульманской святыни.

Тюрчанка — в персидской поэтической традиции олицетворение красавицы.

Унаби — растение ююба (зизифус), плоды которого ярко-алого цвета.

Фарат (искаженное ал-Фурат) — река Евфрат, одна из полноводных рек в Месопотамии.

Фараон — титул древних египетских царей, в Коране — собственное имя царя, при котором жил пророк Муса.

Фархад — герой поэмы Хосрова, влюбленный в красавицу Ширин, зодчий-каменотес; своей богатырской киркой он пробил в горах молокопровод, чтобы Ширин получала свежее молоко с горных пастбищ.

Фисташка — полуоткрытая фисташка традиционно сравнивается с устами красавицы; молодой фисташковый орех — розоватого цвета.

Халлух — город в Индии.

Хамадан — город в Иране, в древности столица Персидской империи.

Харабат — букв. «развалины», «руины»; заброшенные строения, где продолжали жить маги (см.), там же часто размещались питейные заведения, которые тоже содержали маги.

Хасан — поэт-лирик Хасан Дехлеви, друг Амира Хосрова.

Хиджазская дорога — путь паломников к святыням ислама; здесь — образ дальней дороги.

Хосров — поэтический псевдоним автора этой книги, также имя древних иранских царей, об одном из них Хосрове Парвизе созданы циклы преданий; развернутое литературное воплощение они получили у Низами в поэме «Хосров и Ширин».

Хотанская тюрчанка — женщины города Хотана (Восточный Туркестан) славились красотой.

Хумай — вещая птица; по преданию, человек, попавший в тень этой птицы, становился царем.

Хызр (или Хыдр, или Хадыр) — популярный персонаж в ближневосточной литературе и фольклоре. С этим именем связано множество легенд и преданий, среди них: кораниче-

ский рассказ о встрече Мусы (см.) с божиим слугой Хыдром; приключения Александра Македонского — Искандера и его спутника Хадыра в поисках источника живой воды; суфии охотно приняли Хадыра в разряд своих святых и т. д.

Шафран — специя, весьма дорогая в средние века.

Шаханшах — царь царей, древний иранский титул владыки.

Шейх — первоначально старейшина племени, в дальнейшем — человек, занимающий видное место в мусульманской духовной иерархии, ортодоксальный мусульманин.

Ширин — героиня цикла любовных преданий, см. также Хосров и Фархад.

Чанг — струнный щипковый музыкальный инструмент.

Юсуф из Ханаана — библейский Иосиф Прекрасный; символ красоты.

Юсуф и Зелиха — в коранической традиции, Зелиха — жена египетского вельможи Путифара, влюбившаяся в Юсуфа, но отвергнутая им.

Якуб — библейский Иаков, отец Юсуфа из Ханаана (см.), ослеп от горя в разлуке с сыном.

Эдем — райский сад.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Ю. Алиев. Лирика Амира Хосрова . . . 5
Газели 11
Примечания 262
Глоссарий 265

АМИР ХОСРОВ ДЕХЛЕВИ
Избранные газели

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор Н. Б. Кондырева
Младший редактор Р. Г. Канторович
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор С. В. Цветкова
Корректоры Н. В. Бессуднова и Г. П. Каткова

Сдано в набор 4/V 1975 г. Подписано к печати 15/VIII 1975 г. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бум. № 1. Печ. л. 8,5. Усл. п. л. 11,9. Уч.-изд л. 5,9. Тираж 100 000 экз. Изд. № 3368. Зак. 4500. Цена 45 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16

Амир Хосров Дехлеви

А62 Избранные газели. Пер. с перс. Дм. Седых, предисл. Г. Ю. Алиева. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.

271 с.

Сборник лирических стихов одного из лучших представителей классической литературы на персидском языке, органически вошедшего и в литературу Индии. Впервые на русском языке представлено более двухсот газелей Амира Хосрова.

А $\frac{70404\text{-}155}{013(02)\text{-}75}$ 195-75 И (Перс)

45 к.